

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 13

**Москва
2000**

ББК 81
Я410

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:
д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*
д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС-Пресс, 2000. –
Вып. 13. – 84 с.

ISBN 5-317-00037-8

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные пробле-
мы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в со-
поставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лин-
гводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике
общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, кон-
нотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподава-
телей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в
1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12 – в 2000 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-00037-8

© Авторы, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
РАЗГОВОР ИЗ ПЯТИ УГЛОВ	
<i>Красных В. В.</i> Угол первый: Виртуальна или реальна виртуальная реальность? (постановка проблемы)	5
<i>Гудков Д. Б.</i> Угол второй: Ответная реплика о виртуальности	12
<i>Сорокин Ю. А.</i> Угол третий.....	20
<i>Захаренко И. В.</i> Угол четвертый: Мифотворчество и виртуальная реальность	23
<i>Базылев В. Н.</i> Угол пятый: Истины, которым человек помогает умереть	28
СТАТЬИ	
<i>Сорокин Ю. А.</i> Фет и Ван Вэй: генотипическое сходство?	31
<i>Базылев В. Н.</i> "Колобок": сказка: комментарий первый и последний	38
<i>Холод А. М.</i> Что в звуке тебе моем? (фоносемантиконные особенности экспликации психических и сексуальных ориентаций в изоляции от общества).....	52
<i>Бурукина О. А.</i> Гендер "потустороннего" в славянской культуре	60
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОЧИНЕНИЯ	
ВАН МЭН. Сочинения.	65
ГЛЕБ АРСЕНЬЕВ. Из "Маргиналий"	69
ЛАРИСА ЕВДОКУНИНА. Розовые сердолики: сказки для взрослых	69

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск носит на титуле гордую цифру “13”, и это, хотим мы того или нет, обязывает.

Авторы сбросили маски углубленной задумчивости, причитающейся серьезным ученым дамам и мужам, и решили несерьезно поговорить о серьезном и с умным выражением лица обсудить не слишком серьезные проблемы (да здравствует барон Мюнхгаузен!).

На страницах сборника Вы, многочтимый наш читатель, найдете презанятные и тонкие рассуждения о генотипическом сходстве А. А. Фета и Ван Вэя, прелестные сочинения Ван Мэна, любопытную заочную дискуссию о виртуальности, глубокий и предсказуемо непредсказуемый комментарий к “Колобку”, поразительные результаты наблюдений над гендерными особенностями речи, интереснейшие размышления о гендерности славянской культуры и менталитета и многое другое.

Что из этого написано всерьез, а через что просвечивает авторская улыбка (о, добрый старый Чеширский кот) — судить Вам.

Желаем Вам успеха в этом нелегком, но, надеемся, увлекательном занятии — чтении настоящего сборника!

РАЗГОВОР ИЗ ПЯТИ УГЛОВ

Угол первый: Виртуальна или реальна виртуальная реальность? (постановка проблемы)¹

© доктор филологических наук В. В. Красных, 2000

Термин “виртуальность” становится все более популярным, понятие “виртуальная реальность”, распространяется на новые сферы знания (перешагнув за границы своей “исторической родины” — области компьютеров), проблема виртуальность (точнее — виртуализации) приобретает пугающую остроту и актуальность. Причем “пугающую” и в прямом, и в переносном смыслах. Общественные страхи связаны, в частности, с практически неограниченным вторжением виртуального мира в наш обычный мир, в нашу повседневную жизнь и вытеснением реальных фактов и событий виртуальными (см.: увлечение латиноамериканскими “мыльными операми” пришло на смену увлечению “новостными сериалами”; люди стремятся убежать от проблем физического, материального окружающего мира в мир “красивой” жизни, с шекспировскими, но “высокими” страстями; активному участию в событиях люди предпочитают наблюдение за действиями и страданиями других; даже ухаживать за “Тамагочи” оказалось более приятным занятием, чем отвечать за живое существо, которые мы приручили). Это — одна из видимых вершин айсберга под названием “виртуальная реальность”, о который, подобно “Титанику”, может разбиться “любовная лодка” нашей реальной жизни.

Мы не беремся оценивать сложившуюся ситуацию и гневно осуждать или радостно воспевать то, что мы имеем. Наши задачи намного скромнее и значительно менее пафосны: мы постараемся понять, что же такое виртуальная реальность и каковы факторы, способствующие ее экспансии.

Итак, рассмотрим триаду понятий: универсум — действительность — реальность. *Универсум* (космос, вселенная) предстает как все сущее и не-сущее, все познанное и непознанное, все познаваемое и непознаваемое, он индифферентен к процессу познания, не связан с сознанием и,

---

¹ Статья была написана весной 1999 года.

следовательно, приемлет существование нерасчлененного ничто. “Доступную нам действительность”, которая, по мнению О. Розеншток-Хюсси, предстает не как круг, а как крест, составляют четыре ориентации, четыре “фронта жизни” (прошлое, будущее, внутреннее и внешнее)². В соответствии с таким пониманием, действительность оказывается намного шире материального мира, непосредственно окружающего человека. Следовательно, *действительность* есть все сущее, материальное и идеальное, реально существующее и воображаемое (в виде, например, воспоминаний о прошлом, мечтаний о будущем, плодов воображения и фантазий), принадлежащее сознанию и лежащее вне его³ (не за границами сознания, а именно вне его, т. е. материальный мир, который может восприниматься по пяти чувственным каналам). Элементами (фрагментами) действительности являются факты в самом широком смысле: от артефактов до ментефактов. Действительность, связанная с процессом познания, с сознанием, содержит нечто и что-то, а лежащее за границами сознания ничто входит в действительность только через указанные категории (нечто и что-то)⁴. Таким образом, на этом “уровне” можно утверждать наличие двух сущностей: действительность и сознание. Сознание “входит” в действительность, однако отношения между указанными феноменами не есть отношения части и целого. Если само сознание — отражение действительности, то “содержание” сознания — идеальная сторона действительности. Однако поскольку ментефакты суть элементы “содержания” сознания, между идеальной стороной действительности и сознанием не следует, на наш взгляд, ставить знак равенства (как невозможно поставить знак равенства между рыбой и водой, хотя рыба живет только в воде). Вся информация, воспринимаемая человеком, поступает по пяти материальным каналам (мы говорим только о том, что уже известно и не вызывает возражений), но из этого не следует, как нам думается, вывод о материальности самого сознания⁵. Итак, сознание, нематериальное по своей

---

² Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994. С.59.

³ Ср.: “Действительность, лежащая вне сознания, становится реальностью сознания только через ее дискретизацию, универсальная форма которой — понятие, являющееся инструментом дискурсивного мышления” [Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997. С.26]. О разграничении понятий “действительность” vs “реальность” — см. Указ. соч. С.9-28.

⁴ О вхождении в сознание нерасчлененного ничто через стадии нечто и что-то — см.: Чернейко Л. О. Указ соч. С.13.

⁵ В связи с этим вспомним картину Магритта “Удел человеческий”: картина, изображенная на холсте, настолько точно воспроизводит фрагмент окружающего мира, что первоначально воспринимается именно как данный фрагмент. Сама картина (“холст”) материальна, окружающий мир (включая и изображенный фрагмент) материален, но мир художника (то мир, который он видит “внутри” себя) нематериален, и тот фрагмент,

природе, является фрагментом действительности, поскольку последняя, в нашем понимании, включает в себя и нематериальные феномены.

Что составляет содержание сознания? Отраженная сознанием действительность. И будучи отраженной сознанием, действительность становится реальность. Таким образом, *реальность* есть содержание сознания. Поскольку действительность имеет две ипостаси: материальное и идеальное, — то, соответственно, реальность предстает как двуединая сущность: *действительная реальность* (ДР) и *ирреальность* (ИР). ДР является отражением материального мира, включая предметы физической природы и отношения между ними, лежащие вне сознания, т. е. объективные или объективизированные (например, физические или химические законы). ИР является отражением идеального мира и отношений, зависящих от субъекта (включая произведения искусства, фантазии, воображение и т. д.). Следовательно, *ДР индифферентна к субъекту* (к самому факту его существования и к его отношению к самой ДР), *ИР существует только при наличии субъекта*. Это — некая гипотетическая “основополагающая” модель.

Однако существует и особая ИР — *ИР, которая “мимикрирует” под ДР, надевает на себя ее маску, выдает себя за ДР и претендует на ее место и роль*. Это и есть, с нашей точки зрения, *виртуальная реальность* (ВР). ВР всячески “подражает” ДР, “воссоздает” предметы, имитирует события, “копирует” отношения: так, предметы ВР приобретают контуры предметов материального, действительного мира (см. виртуальные фильмы и клипы), предметы ВР начинают выполнять функции предметов объективной действительности (виртуальные диски, виртуальная память), отношения в ВР стремятся “объективизироваться” (во многом — за счет “воспроизведения” отношений, норм, правил, логики ДР).

В связи с этим, например, история как наука представляется нам во многом виртуальной дисциплиной. Факты, события, имевшие место в определенном месте в определенное время суть объективной действительности⁶ и в этом смысле должны бы быть элементами ДР. Однако они не существуют в сознании как “вещь в себе”, вне отношения к ним субъекта сознания, они включают оценки, трактовки, интерпретации, “вычитанную” из них или “вчитанную” в них логику, т. е. составляют

который художник написал на картине, будучи изначально материальным и материальным в конце — на холсте, вместе с тем и не-материален.

⁶ Хотя “Новая хронология”, отвергая существующую традиционную хронологию истории (не говоря уже об интерпретации событий), по сути ставит под сомнение и данный тезис.

ВР. То же справедливо и по отношению к мемуарам (еще более субъективным “историческим источникам”), к дневникам и т. д.

Следующий вопрос: всегда ли существовала ВР или она есть порождение нашего века? Думается, что ВР — с точки зрения человека конца XX века — существовала всегда. Однако человек далеко не всегда осознал это (подобно небезызвестному мещанину, который тоже долго не догадывался, что говорит прозой). На наш взгляд, для примитивного, недискретного сознания существуют только ДР и ИР. ИР (как феномен; мы не берем сейчас ее содержание) древнего мира, например, в целом едва ли серьезно отличается от ИР наших дней. Но ДР была шире: она включала в себя, очевидно, и то, что сегодня мы отнесли бы к ВР. Так, архетипическое разграничение на “свой” и “чужой” миры проходило в границах ДР: боги, герои, кентавры, Аид и Олимп были столь же “настоящи” и индифферентны к человеку (т. е. не зависели от знания / незнания о них и отношения к ним), как и природные стихии, законы Архимеда, предметы окружающего материального мира или Эллада. Сегодня же граница между мирами проходит или между ДР и ВР, или внутри ВР.

Что происходит сейчас? В целом определены границы физического мира, в котором живет человек, выявлены географические границы нашего мира, границы познания расширены настолько, что изучение их “периферии” доступно только узким специалистам, и в то же время мир, в котором живет человек “сжежился”, “стянулся”, “сжался” (с точки зрения и пространства, и времени — жизненное пространство человека уменьшилось, средства связи обеспечивают обмен информацией в считанные секунды, средства передвижения позволяют перелететь из одного полушария в другое за считанные часы). В этом кроется одна из причин того, что взгляд исследователей все больше и больше устремляется не “вовне”, а “внутри”. Отсюда интерес к личности, к внутреннему миру, к микрокосму по названию “человек”. В центре внимания оказалось индивидуальное сознание (попытки понять его природу, содержание, структуру, законы и т. д.). Современная наука признает сознание феноменом культурозависимым. Сознание формируется в процессе социализации и, следовательно, не может не нести на себе отпечаток той “матрицы” (по Э. Сепиру), которая создана опытом всех предшествующих поколений. С другой стороны, еще Ле Бон определил новый феномен — толпа. С. Московичи назвал наш век “веком толп”. Развитие средств связи, усиливающаяся роль СМИ способствуют “толповизации” общества, равно как и “сжатую” мира и... расширению границ виртуальности. СМИ работают на “объективизацию” ВР (а это то, к чему ВР и стремится), эксплуатируя все новые и новые возможности достижения НТП и

новейшие технологии, которые обеспечивают визуальность и наглядность информации⁷, частотность ее повторения, высокую скорость распространения по всему миру, позволяют снять границы и открыть широкий доступ к информации всем желающим.

Интерес к индивидуальному сознанию позволил выявить трехчастную структуру реальности (как содержания сознания), добавив к действительной реальности и ирреальности реальность виртуальную. Культурно-историческая психология и этнопсихолингвистика способствовали выделению национального компонента сознания и определению национальных особенностей последнего. Психология же толп дала ключ к пониманию процессов, происходящих в общественной жизни. На стыке данных векторов научной мысли — психологии личности, культурно-исторической психологии, этнопсихолингвистики и психологии толп — может родиться новое направление — учение о виртуальности, или *виртуалогия*. Выдвинем в связи с этим гипотезу: *основным субъектом виртуального мира является человек-масса* (по С. Московичи).

Для того, чтобы некоторым образом обосновать данную гипотезу, представляется необходимым вписать ВР в систему координат, где оси предстают как “индивидуальное / коллективное”, “сознательное / бессознательное”.

Что касается ВР, являющейся фрагментом индивидуального сознания, то она обладает таким же многообразием, как и индивидуальное сознание в целом (в данном случае мы говорим не о природе, структуре и проявлениях сознания как такового, но о его содержании, ибо реальность есть его содержание). В связи с чем обратим свое внимание на другой полюс оси — “коллективное”.

Провести жесткую границу между сознанием (светлым полем сознания) и бессознательным представляется едва ли возможным. Светлое поле сознания может “высветить” какие-то фрагменты, которые закрыты плотной пеленой бессознательного; бессознательное же может “запускать свои щупальца” в светлое поле, прорываться в него. Бессознательное может (подчас в значительной мере) влиять на светлое поле сознания и, следовательно, “проявляться в реальности как содержание сознания. Степень “активности” бессознательного, “уровень” его влияния увеличиваются от ДР через ИР к ВР, где бессознательное играет весьма важную роль (что мы попытаемся показать чуть позже).

Существование коллективного сознания — вопрос для многих исследователей небесспорный (например, психология толп отрицает его существование, признавая наличие только коллективного бессознатель-

---

⁷ Вспомним хотя бы фильм “Wag the Dog” (“Хвост виляет собакой”), где блестяще показана технология создания ВР, полностью мимикрированной под ДР.

ного). е будем вдаваться в споры и рассмотрим сквозь призму ВР коллективное бессознательное, существование которого на сегодняшний день, пожалуй, мало у кого вызывает сомнение.

Для ВР бессознательное — благоприятная среда, т. к., апеллируя в первую очередь к эмоциям, суггестивно-агрессивно навязывая готовые модели и подавая идеи как истину (зачастую — в последней инстанции), легче объективизировать” саму ВР. ВР не терпит аналитичности по отношению к себе, ей противопоказаны критическое осмысление реальности (любой), попытки ее осознать и понять, для нее “опасно” развитие самостоятельной мысли “в сторону” ДР. Рациональность, аналитичность, логика допускаются только в рамках самой ВР. ВР требует играть по ее правилам, стремится втянуть в себя и подчинить себе своего субъекта-”родителя”, без которого она (как ИР по сути своей) существовать не может, и тем самым — заменить собою ДР. Для того, что бы ВР заняла место ДР, существует, на наш взгляд, две возможности: во-первых, “на уровне” сознания, во-вторых, в сфере объективной действительности. Первый путь предусматривает замену действительной реальности реальностью виртуальной, для чего оказывается необходимым “поместить на место” объективной действительности виртуальный мир. Мы это наблюдаем сейчас: жизнь в виртуальном мире компьютера (игры, межличностные отношения и т. д.), когда партнеры — субъекты ВР выступают в виртуальном облике, скрывая (теряя — ?) свое “Я”; в области политики — это создание образа врага, причем врага виртуального (вспомним архетипическое деление на “свой” и “чужой” миры), с весьма трагическими подчас последствиями, например, “враги народа” в СССР или бомбежка Сербии войсками НАТО в наши дни. Выскажем предположение, что тоталитарные, авторитарные режимы и — шире — режимы с мощной идеологической машиной тяготеют к виртуализации действительности: СССР и США, будучи диаметрально противоположными по целому ряду параметров, в этом смысле были очень близки, т. к. и СССР, и Америка были (а США и остаются) по сути царством виртуальности. И здесь мы подходим ко второму пути замещения виртуальной реальностью реальности действительной: когда виртуальный мир становится объективной действительностью. Происходить это может эволюционно (развитие науки от “этого не может быть” до “кто же этого не знает” и развитие человечества в целом) или революционно (опыт истории революций).

Почему же именно сейчас “виртуальность” стала столь популярной, а проблема “виртуальности” (“виртуализации” бытия) приобрела такую остроту? Во-первых, XX век — это век толп, век торжества бессознательного и, следовательно, век виртуальности. Человек открыл для себя

этот феномен, стал использовать виртуальность себе во благо и... оказался от нее зависим. Во-вторых, рубеж веков (и уж тем более тысячелетий) характеризуется повышенным эмоциональным фоном, общественными тревожными ожиданиями и страхами, что, с одной стороны, обуславливается бессознательным, а с другой — провоцирует “активизацию” бессознательного, создавая тем самым “питательный бульон” для VR.

Мы входим в новое тысячелетие. Не окажемся ли мы в мире, в котором виртуальные существа проживают в виртуальном пространстве в режиме реального времени?

Впрочем, учитывая, что виртуальная реальность — это ирреальность, выдающая себя за реальную действительность, настоящая статья тоже абсолютно виртуальна.

РАЗГОВОР ИЗ ПЯТИ УГЛОВ

Угол второй:

Ответная реплика о виртуальности

© доктор филологических наук Д. Б. Гудков, 2000

Есть легкие пути, ведущие к иллюзорным победам. Достаточно просто сконструировать логически гармоничную теорию, имеющую важные приложения в области фактов, при условии, что вы согласитесь пренебречь множеством очевидных вещей.

А. Н. Уайтхед

Настоящая статья является ответной репликой на заметки В. В. Красных “Виртуальна или реальна виртуальная реальность?” Это не критический отзыв, не полемика в собственном смысле этого слова, но свободное размышление об указанных проблемах, лишенное претензий на академизм. Я позволю себе прямое обращение к автору этих заметок, придавая тем самым своему сочинению форму открытого письма.

Обращение к проблемам виртуальности требует оперирования такими терминами, как *действительность, реальность, сознание, материальное, идеальное*, которые имеют столь древнюю историю и столь неоднозначно понимаются различными авторитетнейшими авторами, что даже краткое перечисление существующих подходов возможно лишь в рамках многотомного философского трактата, предлагаемые же ниже рассуждения относятся к совершенно иному жанру. Каждый из нас (как искушенный в философии, так и имеющий о ней лишь смутное представление), вероятно, ежедневно пользуется указанными выше понятиями, не задаваясь вопросом, чем *материя* Демокрита отличается от *материи* Лейбница, *сознание* Декарта от *сознания* Уайтхеда, *мир* Бергсона от *мира* Витгенштейна, это не мешает нам оперировать значениями приведенных слов, которые, несмотря на специфику их бытования в языковом сознании каждого из участников коммуникации, позволяют последним в целом адекватно понимать друг друга. Не отрицая никоим образом богатейшую философскую традицию, я в дальнейшем обращаюсь не к ней, но к обыденному сознанию носителя языка, который, хоть и не сможет, вероятно, дать терминологического определения каждому из указанных понятий, способен вполне полноценно пользоваться ими. Несколько перефразируя известное высказывание, скажу, что лингвист-

тика до сих пор не может дать непротиворечивые ответы на вопрос о том, что же такое слово, что следует называть предложением, что — языком, каковы границы последнего (что, правда, не мешает лингвистам вполне успешно заниматься своим делом), но при этом любая домохозяйка отлично знает, что такое слово и сильно удивится, если кто-то попытается объяснить ей, как трудно дать определение такому понятию, как язык.

Я в дальнейшем буду обращаться именно к обыденному сознанию и рассматривать то, как существуют указанные понятия в нем. Ты, судя по всему, идешь по тому же пути, что кажется вполне разумным (хотя, может быть, и не стоит столь детально останавливаться на проблемах Универсума, но это дело вкуса). Как только мы касаемся проблемы виртуальности, то сталкиваемся с необходимостью определить место виртуальности. Является ли она фактом действительности или фактом сознания? Чтобы ответить на этот весьма важный вопрос необходимо сначала определить место сознания по отношению к действительности и отношение действительности к сознанию. Именно это ты и делаешь, но, несмотря на определенное изящество твоих умозрительных построений, они страдают, как мне кажется, излишней схематичностью, проистекающей из привычки мыслить мир и пытаться его классифицировать, основываясь на бинарных оппозициях, впрочем, мне хотелось бы не углубляться в обсуждение этого вопроса, но коснуться совсем других проблем.

Рассуждая о виртуальности, имеет смысл говорить не об идеальности и материальности, а о “настоящем” и “ненастоящем”, реальном и потенциальном. В обыденном сознании виртуальный мир — это мир ненастоящий, вымышленный, ложный. Но здесь необходимо существенное уточнение. Наблюдение за употреблением слова “виртуальный” и его дериватов показывают, что существуют два значения этого слова, которые представляется важным различать. Во-первых, “виртуальный” означает ирреальный, вымышленный, виртуальный мир — это мир фантазии, открыто заявляющей о своей ненастоящести (извини за неуклюжий окказионализм), в таком значении это слово употребляется, когда речь идет, например, о компьютерной виртуальности, эта не обманывающая виртуальность, но виртуальность, изначально декларирующая свою противопоставленность действительности. Во-вторых, о виртуальности говорят, в том случае, когда тот или иной ментальный конструкт (который может иметь и объективное воплощение в виде некоторого артефакта — предмета, визуальной картинки, печатного текста и т. д.) заявляет о себе как о чем-то, принадлежащем объективной действительности, обладающем онтологическим статусом, при этом происходит

(осознанная или нет) подмена действительного мира миром виртуальным. Ограничимся только одним примером:

Что для этого требовалось? Опять правильно: умение демонстрировать успех. Причем являлся ли этот успех реальным — с точки зрения интересов государства и страны, или виртуальным, — не суть. НГ. 14.04.99.

Необходимо подчеркнуть, что виртуальный мир не является миром ложным, он находится вне категорий истинности и ложности. Виртуальный мир — это такой мир, в котором снимается, **нейтрализуется различие реального и потенциального**. При этом тот мир, в котором это происходит, может быть двояким: осознаваться индивидом как ирреальный или восприниматься им как настоящий, не один из возможных, а единственно возможный. Ты рассматриваешь именно второй случай, практически не обращаясь к первому значению “виртуальности”. Это вполне объяснимо, и я сам, анализируя в дальнейшем различные аспекты виртуальности, буду говорить именно о втором ее понимании, но необходимо зафиксировать двоякое существование этого термина. Мне представляется весьма плодотворной твоя идея о том, что виртуальная реальность — это та ирреальность, которая выдает себя за действительную. Можно было бы принять такое понимание этого термина, хотя оно несколько сужает реальное употребление термина “виртуальный”. Так, виртуальная реальность, моделируемая в компьютерных играх, никоим образом не пытается выдавать себя за действительную реальность, наоборот, подчеркивает свое качественное отличие от нее и предлагает уход в себя, но уход временный и безусловно осознаваемый.

Выделенные нами две виртуальности находятся в сложных и диалектических отношениях, весьма трудно провести жесткую границу между ними. Например, “мыльная опера”, даже захватывающая своих зрителей и заставляющая их сопереживать своим героям, вероятно, должна быть отнесена к виртуальности в первом смысле, однако, как показывает опыт, для многих эта виртуальность отнюдь не представляется ирреальной (вспомним, как во время пребывания в России мексиканской актрисы В. Кастро зрители очередного сериала с ее участием, который как раз в это время шел на наших экранах, собирались у ее гостиницы и со слезами на глазах пересказывали ей содержание очередной серии, сообщая, что, пока она в России, там похитили ее сына и т. д. и т. п.). При всей трудности проведения однозначной границы явно выделяются полюса, на одном из которых — скажем, компьютерная игра, а на другом — например, репортаж с места событий в информационной программе. Именно эти полюса и позволяют говорить о двух виртуальностях о двух типах виртуальных миров. Конечно, миры эти находятся в тесном взаимодействии, покоятся на общем основании (и тот и другой строят себя из того материала (предметов и их мысленных экспонентов),

который предлагает действительный мир, границы того и другого ограничены горизонтом человеческого сознания, рамками когнитивной парадигмы той или иной эпохи и т. д.), но они все же различны. Исследование их взаимоотношений — хотя и интересная, но все же отдельная тема, и я не буду ее касаться в этом опусе, предлагаю тебе обсудить ее позже. Здесь же, как и ты, стану говорить только о виртуальности во втором из выделенных мной значений, т. е., следуя за тобой, — об ирреальности, выдающей себя за действительную реальность.

Но здесь необходимо существенное уточнение. Мне не кажется, что слово *ирреальность* является в данном случае удачным. Виртуальный мир не является в собственном смысле ирреальным. Он является, как я уже говорил, **потенциальным**. Действительность полагает и свою неисчерпаемую возможность, потенциальность. Виртуальность представляет собой ментально реализованную потенциальность. Последнее положение представляется мне весьма важным и выделяющим основной дифференциальный признак виртуальности. В действительности существует противопоставление бытующего и потенциального, являющееся одной из основополагающих оппозиций, в виртуальности это противопоставление снимается, нейтрализуется.

Обрати внимание на характерную примету нашей эпохи: виртуальных миров, объявляющих себя правильными, настоящими, единственно возможными, становится все больше, человек задыхается от их обилия, теряет способность к осознанному выбору, впадает в бесконечный релятивизм, что находит свое отражение и в языке. В эпоху Средневековья картина была совершенно иная — человеку не предлагалось такое количество противопоставленных друг другу возможных миров, мир был цельным и единым.

Сказанное позволяет дать и ответ на вопрос о том, существовала ли виртуальная реальность (ВР) всегда, или она есть порождение нашего века. Я согласен с твоим ответом, но полагаю, что акцент следует несколько сместить. Именно сегодня ВР осознается как проблема, именно сегодня она стала предметом обсуждения — гневных филиппик и радостных славословий. Можно совершенно категорически утверждать, что проблема ВР, именно как проблема, — дитя XX века. Можно даже наметить пути к ответу на вопрос, почему это случилось. Вульгарный материализм (а материализм может быть только вульгарным, сколько бы марксисты не пытались доказать, что это не так), воинствующий позитивизм — продукты развития человеческой мысли XVIII-XIX вв. — в нашем веке получили прививку релятивизма, и питательный бульон для виртуальности оказался готов. Сама идея виртуальности появляется как результат жесткого противопоставления материального и идеального

(заметим, что превалировавшая в Средние века основополагающая христианская оппозиция телесного и духовного не тождественна оппозиции материального и идеального), существующего объективно и рожденного сознанием. Мы, с одной стороны, не можем мыслить вне этого противопоставления, а с другой – страстно стремимся к его снятию (сознательно или нет – не столь уж и важно), появляются суррогаты, субституты реального, рождаются специальные технологии, выдвигающие виртуальное в центр жизни человека. Косвенным подтверждением сказанному может служить присущий именно XX веку феномен спорта (античный спорт или спорт в Викторианской Англии не имеют ничего общего со спортом современным), который позволяет нациям сталкиваться и одерживать победы не на поле войны, а на футбольном, например, поле, причем эмоциональное восприятие этих побед ничуть не уступает отношению к победам в реальной войне. Нам уже не кажется странным, что не в “диких” Африке или Южной Америке, но в “цивилизованной” Франции несколько дней продолжаются торжества с активным участием самых высоких лиц, включая президента, посвященные тому, что 11 молодых мужчин, выступавших в майках, окрашенных в цвета французского национального флага (любопытно, что этнических французов среди них было меньше половины), сумели трижды добиться того, чтобы кожаная сфера, наполненная воздухом, пересекла проведенную на земле линию, ограниченную двумя столбами, находящимися на расстоянии 7,5 метров друг от друга, в то время как бегавшие по тому же полю молодые мужчины, одетые в футболки под цвет бразильского флага, не сумели сделать этого ни разу. Интересно при этом, что совершившееся оказывается личным делом не тех 22 мужчин, которые вышли на поле, но миллионов и миллионов людей, никакого отношения к происшедшему не имевших, однако, безусловно, ощущавших себя к нему причастными самым прямым образом. Последнее сегодня никому не кажется странным, хотя сколько-нибудь разумные объяснения сказанному вряд ли возможны. Миллионы болельщиков виртуально выходили на поле, забивали голы, выигрывали единоборства и ругались с судьей. Трудно спорить с тем, что все это является феноменом именно второй половины XX века.

Виртуальность во втором понимании термина представляет собой действительную реальность, отягощенную некоторой **добавочной стоимостью потенциальности** (ты можешь назвать эту потенциальность ирреальностью). Добавочная стоимость эта у разных людей и социумов оказывается различной, соответственно, один и тот же действительный мир, в целом одинаково воспринимаемый практически всеми, получает самые разные интерпретации. Сегодня появились мощ-

нейшие средства “объективизации” этой добавочной стоимости, на что ты совершенно справедливо обратила внимание. Справедливым представляется и тезис о том, что основным объектом виртуального мира является человек-масса, но я считаю, что здесь необходимы существенные дополнения.

Виртуальный мир может моделироваться по-разному. Он может стремиться реализовать коллективные представления и желания (как сознательные, так и бессознательные) определенной группы людей; даже если эти представления формируются (а желания направляются) искусственно, все равно они до некоторой степени независимы от того, кто их формирует и направляет, последний(-ие) должны учитывать изначальные интенции человека-массы, иначе объективизированный виртуальный мир не будет восприниматься им как правильный, настоящий, действительный. Легко проиллюстрировать это на примере создания образа врага. Так, в современной Москве широкий отклик находит объективизированное представление “отвратительного кавказца”, который способен только грабить, убивать, насиловать женщин, мешает нормально жить русскому человеку. Это очевидный враг, с которым надо бороться. При этом, даже если очень захотеть, весьма трудно создать образ врага, например, из татарина. Хотя татары и составляют наиболее, вероятно, крупное из этнических меньшинств в Москве, а история взаимоотношений русского и татарского этносов далеко не проста, но существующее в коллективном сознании представление татарина делает любые попытки представить его как злобного врага гораздо менее эффективными, чем операции с образом кавказца. Таким образом, выбрасываемая в толпу (по С. Московичи) добавочная стоимость должна соответствовать чаяниям этой толпы. Назовем это виртуализацией “сверху”.

Кроме того, характер современной толпы определяется во многом тем, что она является рассеянной, атомизированной, люди воспринимают слова одного и того же оратора (например, телеведущего), но в отличие от толпы в собственном смысле этого слова они раздроблены локально, находятся не в одном месте, а в самых разных локусах. Это-то и является причиной того парадокса, на который указываешь и ты: массовизация сопровождается атомизацией, которая наглядно проявляется, например, в художественном и научном творчестве. Скажем, еще недавно ощутимо было стремление создания некоторой единой парадигмы научного знания, единого поля науки, границы которого были достаточно очевидны, одна парадигма сменяла другую, но продолжала существовать некоторая центральная, базовая парадигма, остальные, если и были, то воспринимались как маргинальные. Сегодня ситуация корен-

ным образом изменилась (М. Фуко весьма точно описал это изменение). Границы поля уходят далеко за горизонт, само поле поэтому теряет четкие очертания, становится безграничным, каждый роет на нем собственную ямку-скважину, пользуется собственной системой понятий и терминов, недоступных для других, создает собственную локальную систему взглядов, нимало не заботясь о том, как она вписывается в общую структуру научного знания. Мифологическое представление об этой в целом единой и истинной структуре, противостоящей анти— и псевдонауке, иллюзии, мифу и т. д. продолжает существовать и сегодня, хотя основания его весьма серьезно поколеблены. Такая атомизация ведет к тому, что одна система оказывается просто несопоставима с другой и непроницаема для нее, при этом каждая из них, являясь сугубо субъективной, претендует на объективность, это рождает бесконечные антиномии, источником которых является то, что каждая система может логически непротиворечиво представлять себя как единственно истинную, при этом каждая из них несовместима с другой и противостоит ей. Вот, с одной стороны, результат, а с другой — постоянный источник тотальной релятивизации индивидуального сознания (коллективное сознание в гораздо меньшей степени подвержено релятивизации). Создается множество миров, размывается граница между истинным и ложным, настоящим и ненастоящим. Все это ведет к виртуализации мира. Подобную виртуализацию, полагаю, имеет смысл назвать виртуализацией “снизу”. Виртуализация “сверху” и виртуализация “снизу” представляют собой все-таки различные, хотя и взаимосвязанные процессы.

Сказанное приводит к тому, что человечество уже не может жить в каком-либо другом мире, кроме мира виртуального во втором значении последнего термина. Абсолютно виртуальными в этом смысле оказываются основные мифологемы, определяющие социальное и индивидуальное бытие людей сегодня. Можно перечислить некоторые из них: права человека, единые, универсальные для всех народов и на все времена, даже где-то (видимо, в граде Китеже) соблюдающиеся, масонский заговор, ставящий целью погубить Россию, Америку, все человечество (не-нужное зачеркнуть), новый мировой порядок, основанный на уважении Человека / навязывании своей воли силой (нужное подчеркнуть), мудрое или коварное предвидение людей, творящих международную и / или внутреннюю политику и др. Подтвердим сказанное только одним примером. Вероятно, миллиарды людей умеют играть в шахматы, при этом весьма незначительное их количество способно предсказать развитие шахматной партии хотя бы на 5 ходов вперед, подчеркнем, что речь идет о шахматах, в которых количество возможных ходов, хотя и велико, но в принципе исчислимо, все фигуры (32) ходят по четким неиз-

менным правилам и только в пределах шахматного поля (64 клетки). Бесконечные же мудрые рассуждения политологов, которых практически каждый день мы видим по телевизору, пытаются нас убедить, что тот или иной политик способен тонко рассчитать на несколько лет вперед некий план и осуществить его, хотя количество “фигур” исчисляется миллионами, при этом правила, по которым они “ходят”, могут меняться каждый день, а пространство практически ничем не ограничено (вспомним ставшие хрестоматийными рассуждения, например, Л. Толстого или М. Булгакова на эту тему). Самое, казалось бы, удивительное, что множество часто даже не совсем глупых людей верит в существование подобных планов и в возможность их реализации. Происходит это именно в силу неразличения в виртуальном мире реального и потенциального, любая возможность в нем может получить объективное (объективное в пределах этого мира) воплощение, “доказательства”, например, визуальные, этого воплощения ежедневно предоставляет нам телевидение.

Здравый смысл говорит нам, что действительный мир один, опыт демонстрирует, что виртуальных миров множество. Опасность подобного положения в том, что, отчаявшись обрести этот действительный мир, мы превращаем в него один из существующих виртуальных или, махнув на все рукой, приходим к выводу о том, что поиск истины бесполезен и лишен смысла (“нет правды на земле”, “все пропаганда, весь мир пропаганда” и т. д.). Это приводит к пассивности или к отказу от критерия истинности во имя полезности, что и ты, и я ежедневно наблюдаем.

РАЗГОВОР ИЗ ПЯТИ УГЛОВ

Угол третий

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 2000

Вита и Митя!

На Ваши “письма” попробую ответить, но не знаю — получится ли. Что такое виртуальность / возможный мир — знает лишь тот, кто есть время и пространство в их совокупности. Напомню Булгакова: “И в этом ты ошибаешься, — светло улыбаясь и заслоняясь рукой от солнца, возразил арестант, — согласишься, что перерезать волосок уж наверное может лишь тот, кто подвесил?”

Такой подход мне очень нравится, и, может быть, потому, что отсылка к тому, кто подвесил, позволяет опереться на молчание даже перед самим собой. Но, понимаю, это не выход. И придется все-таки вступать в ряды тех, о которых Дионисий Ареопагит, говорил, что “... они не сразу вопрошают: “Отчего червлены ризы Твои?”... — но сначала в недоумении задают вопрос сами себе, тем обнаруживая, что хотят научиться и стремятся к познанию божественных дел, однако, не предвзято озарения, даруемого лишь по божественном выступлении”.

Для меня виртуальность / возможный мир — это мое проективное (проекционное / прожективное) состояние, то сверхъестественное внутреннее воздействие, о котором, ссылаясь на Канта, писал М. Мамардашвили. И самое важное: он считал, что “обычные состояния человека несамодостаточны”, и посему необходимо некое искусство “... для того, чтобы делались и существовали вполне определенные вещи”. Иными словами, виртуальность есть не что иное, как мое искусство быть мудрым (по мере возможности), искусство эндопостроения (себя) и экзопостроения (других и другого). Ментальные вещи, создаваемые моим искусством, — это креативные вещи, вынужденно редуцированные — перспективно и ретроспективно — в силу парцеллированности / отдельности каждого индивидуального сознания, которому не под силу (наверное, к нашему же благу) “фиксировать” и “запоминать” все изменения, происходящие с нами в процессе анагенезиса. Ментальные вещи — это и ретенция, и репродукция (по Гуссерлю), существующие в настоящем, и лишь в настоящем. Хотя она (Гуссерль) и писал, что необходимо “... различать ощущаемое временное и воспринимаемое временное”, причем “последнее означает объективное время”, а “первое... не есть само объективное время (или место в объективном времени), но феноменологическое данное, посредством эмпирического

схватывания коего конституируется отношение к объективному времени. Темпоральные данные, если угодно, темпоральные знаки не суть сами *tempora*”, меня смущает именно процесс “схватывания”: могу ли я “схватить” пространственную непрерывность и непрерывность времени западного Средневековья, о которой пишет, например, Жак Ле Гофф? Могу ли я “схватить” как феноменологическое данное хронотоп дзэнского пути (отсылаю в этой связи к *Zen Flesh, Zen Bones. A Collection of Zen and Pre-Zen Writings. Compiled by P. Reps. Rutland, Vermont, Tokyo, Japan, 1957*), а тем более суть парадоксов, через которые проходит этот путь? “Схватываю” ли я суть аипоты Л. Латынина “Спящий во время жатвы” (см.: Л. Латынин. Спящий во время жатвы. Ставр и Сара. М., 1999) и в каком качестве — первичного / исходного феноменологически данного или вторичного / репродуцирующего? Или виртуальность не может быть ни первичной, ни вторичной, ибо не является темпоральным знаком? Но чем тогда она является? Приготовлением к “креативной вспышке” (К. Лоренц), ингерентно присущим нам автопозисом мысли (Х. Матурана)?

И еще об одном — не менее важном: о рефлексивном поле Я, осмысливающим темпоральное состояние. Оно является усилием, стремящимся проследить за переходом / скольжением от одного временного промежутка к другому. Вот настоящее в его ежесекундном предъявлении, но через 30 секунд настоящее переходит в прошлое, хотя я и не могу сказать, что “ушел” из настоящего. Я в нем, хотя прошло два с половиной часа. Я не ощущаю ни разрыва между настоящим и прошлым, ни перехода от одного к другому. И какое из них виртуальнее — первое или второе? Или третье — будущее? Ведь оно тоже безразрывно, тоже накатывается на настоящее, актуализируясь / пресуществляясь в нем. Где существует “Хаджи Мурат” Л. Толстого? В каком хронотопическом зазоре он существует? Может быть, “Хаджи Мурат” — это мир таких когитальных / интендируемых (по Мамардашвили) объектов и событий, для которых безразличны время и пространство их существования, точнее говоря, они совмещают в себе признаки любого времени и пространства. Виртуальна или реальна “Смерть Ивана Ильича”, виртуальны или реальны “Голоса” В. Маканина? И как понимать в этом случае виртуальность и реальность? Первая — лишь возможность существования хронотопического резонанса (во мне и в другом), вторая — его совпадение во мне и в другом (в том или ином тексте)?

Виртуальность предполагает наличие и неvirtуальности / антиvirtуальности (отнодь не тождественной реальности). И не потому, что с бинарностью чувствуешь себя увереннее, а из-за неоспоримой частотности неvirtуальности / антиvirtуальности: “Тарзан” и “Индийская

гробница” — два показательных в этом отношении примера как проектов, старающихся показать свою убедительность. И уфологический пример: статья “Жертва эксперимента” (В. Шелепов. Совершенно секретно, N 4 (131), 2000, с. 22-23), в которой обсуждается проект деконструкции (и Деррида тут ни при чем) человеческой расы. Вы возразите: “Да это же примеры виртуальности!” С возражением не соглашусь: не хватает психического / спонтанно согласиться с обсуждаемой деконструкцией. Не хватает веры в нее. Словом, виртуальность оказывается синонимом веры / доверия, усиливаемой / усиливаемого мощностью и глубиной непрозрачных метафор, указывающих также и приемлемость топологических координат, предлагаемых “новым миром”. Именно избыток подтекстового и затекстового резонанса обеспечивает выживаемость антиутопий Замятина и Хаксли. И, заметьте, их “виртуальные игры” “приходят” к нам из далекого прошлого, но такого, которое вслед за М. Мамардашвили (и Прустом) следовало бы считать “резервуаром несбывшихся переживаний”. Следовательно, оно возвращается для завершения в будущем, являющемся нашим настоящим и не совпадающим с тофлеровским, оглядываемым, прежде всего, на сбывшиеся переживания.

Если считать, что “мир не простое скопление наличествующих счетных и несчетных, знакомых и незнакомых вещей. Но мир — это и не воображаемая рамка, добавляемая к сумме всего наличествующего. Мир бытийствует, и в своем бытийствовании он бытийнее всего того осязаемого и внятного, что мы принимаем за родное себе. Мир никогда не бывает предметом, который стоит перед нами, который мы можем созерцать. Мир есть то непредметное, чему мы подвластны...” (М. Хайдеггер), то тогда следует полагать, что виртуальность (и не виртуальность) как тотальная непредметность — это, прежде всего, совокупность темпоральных регистров (а мы их голограмма?).

“Мелкая философия на глубоких местах”, — скажете Вы. Не буду отрицать и защищаться. Лишь скажу, что “снега былых времен” и будущих представимы в моем кунцевском углу лишь как снега настоящего, в котором следствие не соотнесено с причиной, а эксплицитная логика обыденности имплицитно иррациональна. И еще я повторяю дзэн-буддийское: “Здесь — это сфера изменений, пресуществлений, перемен. С помощью перемен избавляются от них самих”.

P.S. Не знаю, согласитесь ли Вы с тем, что прецеденты (и прецедентные ситуации) суть знаки исчерпавшей себя виртуальности, проблематические знаки, превратившиеся в ассерторические и аподиктические. И, следовательно, с тем, что виртуальность есть не что иное, как неverified кафоличность.

РАЗГОВОР ИЗ ПЯТИ УГЛОВ
Угол четвертый:
Мифотворчество и виртуальная реальность

© И. В. Захаренко, 2000

Предлагаемая статья имеет скорее вопросительный, нежели безоговорочно утвердительный характер, ее можно рассматривать как предварительный набросок, некий контур, эскиз возможных, но не завершенных размышлений, касающихся понимания “виртуальности”. Наш интерес к подобному исследованию вызван тем, что в последнее время термины “виртуальность”, “виртуальная реальность” приобрели особую актуальность и значимость, используя не только при описании принципов компьютерной условности, но и распространяясь на новые области знания.

“Словарь русской культуры XX века” В. П. Руднева рассматривает виртуальные реальности в узком и широком смысле. В узком смысле это “те игровые или необходимые с технической точки зрения «искусственные реальности», которые возникают благодаря воздействию компьютера на сознание”, в результате чего сознание “погружается” в некий выдуманный, сконструированный компьютером мир. В широком смысле в терминологии “виртуальности” в современной психологии описываются любые измененные состояния сознания (психоз, шизофрения, гипнотическое состояние, наркотическое или алкогольное опьянение). Нас интересует понятие “виртуальной реальности” применительно к дискурсу¹, причем мы концентрируем наше внимание на дискурсе в политической сфере, поскольку он, будучи “неким смещенным (измененным) состоянием сознания” [Базылев В. Н. Российский политический дискурс (от официального до обыденного) // Политический дискурс в России. М., 1996. С. 9], является благоприятным “полем” для создания виртуальной реальности.

На наш взгляд, основными характеристиками виртуальной реальности являются следующие: виртуальный мир *моделируется, искусственно создается*, предлагая готовую модель мира, с целью *замещения* действительной реальности, но “отталкиваясь” от последней. Виртуальная

---

¹ В нашем понимании дискурс представляет собой связный текст в совокупности с экстралингвистическими — социо-культурными, психологическими, прагматическими и др. — факторами; единый механизм, включающий различные аспекты языка и языкового мышления и участвующий во взаимодействии носителей языка и механизмах их сознания.

реальность *воздействует на сознание* субъекта таким образом, что мир моделируемый воспринимается как реальный и истинный. Другими словами, она дает субъекту *ощущение* реальности происходящего: предметы и отношения реальной действительности объективируются, в границах виртуальной реальности начинают “работать” и проявлять себя “механизмы” действительной реальности. Образно говоря, виртуальная реальность, воздействуя на сознание субъекта, слепому дает глаза, глухому — уши и т. д., хотя ни первый, ни второй в действительности не становятся соответственно ни зрячим, ни слышащим². При этом точкой отсчета для процесса “виртуализации” являются коллективные представления (по Э. Дюркгейму), которые навязываются индивиду обществом, носят императивный характер и присваиваются, “наследуются” индивидом в процессе социализации. Эти представления являются предметом *веры*, а не рассуждений и предписывают определенные модели поведения. Иначе говоря, моделирование виртуальной реальности сопровождается “атакой” на мифологическое сознание, отсылающее к коллективным представлениям, а точнее — к области коллективного бессознательного (К. Юнг), где превалируют образы и эмоции. Таким образом, виртуальность можно рассматривать как некий мир, в который пытаются втянуть, и если это удастся, то происходит идентификация субъекта с моделируемым миром, субъект сливается с ним, растворяя в нем свое “я” и становясь его квазиучастником: “социальная действительность раздваивается на реальную инстанцию и ее образ, который ее скрадывает, делает неразличимой и оставляет место лишь для схемы растворения личности” [Базылев В. Н. Указ.соч. С. 7]. Кроме того, на наш взгляд, креативным пространством для виртуальной реальности является социум в широком понимании, поскольку она ориентирована на “толпу” (С. Московичи), вернее, на различные виды “толп”³. При

---

² Интересно заметить, что в упоминаемом нами “Словаре...” В. П. Руднева отмечает, что понимание термина “виртуальность” таит в себе парадокс, т. к. этимология этого слова (от лат. *virtus* - “истина”) противоречит его значению, которое для носителя обыденного сознания синонимично чему-то вроде “воображаемое, вымышленное, иллюзорное”. На наш взгляд, это противоречие снимается, если рассматривать виртуальную реальность с точки зрения ее восприятия индивидуальным сознанием, следовательно, важен субъект, его принадлежность определенному социуму, национальному лингво-культурному сообществу. Скажем, субъект, принадлежащий одному социуму, воспринимает телевизионную программу С. Доренко как виртуальную реальность, в то время как представитель иного социума принимает эту же “реальность” за “свою”, идентифицируя себя с ней, и в этом смысле она становится для него “истинной в последней инстанции”, а не чем-то вымышленным или иллюзорным.

³ Интересные размышления на эту тему можно найти в Д. Б. Гудкова, который, анализируя тексты газет “Завтра” и “Московский комсомолец”, показывает, что данные издания ориентированы на разные типы “толп” [Гудков Д. Б. Функционирование преце-

этом выявляются предпочтения и ожидания, бытующие в массовом сознании, и сконструированная виртуальная реальность становится ни чем иным, как средством воздействия на массовое сознание и манипулирования им.

Учитывая перечисленные признаки виртуальной реальности, выскажем предположение, что ее моделирование сродни мифотворчеству. Многие исследователи мифа, говоря о его функциональной направленности, обращали внимание на способность мифа «описывать вечные модели личного и общественного поведения... объяснять и санкционировать существующий социальный и космический порядок в том его понимании, которое свойственно данной культуре» [Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 169]. Мифотворчество можно рассматривать как вечную неизбежную потребность общества, поскольку «мифология, несомненно, есть способ быть в *согласии* с миром — не с тем, каков он есть, а с тем, каким он хочет себя сделать» [Барт Р. Мифологии. М., 1996. С. 284]. Возможность говорить о политических мифах допускалась Э. Кассирером, Т. Манном, Э. Элиаде, Р. Бартом. Р. Барт, например, считает современность привилегированным полем для мифологизирования⁴, объясняя рождение политических мифов теорией о превращении с помощью мифа истории в идеологию (добавим, что это ярко демонстрируется историей российского общества). Мифология же представляет собой область архетипов, поскольку архетип есть своего рода готовность снова и снова репродуцировать мифологические представления. Юнг замечал, что архетипические образы всегда сопровождали человека, детерминируя способы восприятия реальности, определяя бессознательные установки, служащие призмами, через которые человек преломляет мир [Юнг К. Архетип и символ. М., 1991]. Однако сам автор термина «архетип» писал о том, что ухватить это понятие нелегко, поскольку очень трудно (если не невозможно!) описать нечто, что своей природой не дает возможности точного определения. В нашем понимании феномен, обозначаемый понятием «архетип», имеет как бы двухуровневый, комплексный характер: он фиксируется на уровне мифа, «составляющие» которого получают свою определенность только в его контексте и в контексте определенной культуры. Другими словами, в конкретных мифах, по-видимому, трудно выделить чистые архетипы

дентных феноменов в политическом дискурсе российских СМИ // Политический дискурс в России-4. М., 2000]. Добавим лишь, что подобная картина наблюдается и по отношению к телевизионным средствам массовой информации (ср., напр., телеканалы ОРТ и НТВ).

⁴ Заметим, то, что писал Р. Барт в 60-е годы XX столетия, остается актуальным и в настоящее время, что лишь только подтверждает закономерную необходимость мифологии для любого, в том числе и современного общества.

(универсальные схемы, фигуры образов, по К. Г. Юнгу), вероятно, следует говорить о неких универсалиях, но с “ограничениями”, поправками на особенности данной культурной традиции, поскольку различные культуры актуализируют по-разному универсальные потенциалы человеческой природы. Именно архетипические образы и мифологические мотивы являются строительным материалом для виртуальной реальности, она буквально пронизана ими, поскольку ориентируется на дорациональное, недискурсивное мышление. В виртуальном мире российского политического театра задействована разно— и многообразная палитра архетипических образов, которая отражает и в то же время, безусловно, задает систему координат и оценок по шкалам “+ / -”, “верх / низ”, “свой / чужой”, характерную для определенного лингвокультурного сообщества. Например, тот или иной политик или государственный деятель наделяется определенными чертами, восходящими к архетипам “культурного героя”, антигероя, самозванца, соблазнителя, шута, трикстера. Причем “ниша” для соответствующего архетипического образа существует всегда (другое дело, что обыденным сознанием она не осознается), заполняясь лишь новой фигурой в зависимости от конъюнктуры, политической ситуации и общественных ожиданий и предпочтений (“свято место пусто не бывает”). Так, при создании образа В. Путина во время предвыборной президентской кампании внимание акцентировалось на его физической выносливости, работоспособности, энергичности, готовности принимать решения и нести за них ответственность. К этому добавлялась реальная возможность защиты от терроризма и олигархов (“демонических сил”), борьба с ними, их устранение как мешающих нормальной жизни общества, в чем, в частности, выражалась забота об устройстве мира для человека. Чем не воплощение образа “культурного героя”? Приведем другой пример. “Доминирующие” черты В. Жириновского — клоун, аномалия, “медицинская проблема” — восходят, безусловно, к архетипу шута, представляющему нечто среднее между простаком и трикстером [*Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994. С. 113*]. Он нелепо подражает “культурному герою” или совершает злые, коварные проделки, нарушающие космический и социальный порядок (напр., выплескивает сок в лицо оппоненту, затевает драку в парламенте и под.). Жириновский старается поддерживать это трикстерно-шутовское “демоническое” начало в своем поведении, электорат же ждет этого от него. Часто многие происходящие на политической (и не только) сцене события можно объяснить и понять, связав их с существующими в обыденном сознании архетипическими представлениями. Вспомним ситуацию, когда Б. Ельцин с периодической настойчивостью менял премьер-министров. Заметим, что сме-

на глав правительства, отдаленно напоминающая чехарду на российском престоле, сопровождалась резким повышением рейтинга вновь избранного премьер-министра. Это можно объяснить тем, что каждый новый премьер воспринимался как новый “мудрый и справедливый царь”, на которого возлагаются народные надежды и чаяния, что, по-видимому, восходит к архетипическому образу отца-защитника. На архетипическом мотиве “чуда” сыграли в свое время учредители акций “МММ”: не надо прилагать никаких ни интеллектуальных, ни физических усилий, материальные блага сами свалятся вам на голову, богатство само придет к вам в руки — можно для этого сидеть на печи в ожидании Щуки, а можно купить акции “МММ”. Моделирование виртуальной реальности возможно и на уровне межкультурных контактов. Достаточно вспомнить, как в течение долгого времени в нашей стране культивировался образ “гнилого” Запада (образ виртуального врага) и соответственно по ту сторону “железного занавеса” в обыденном сознании бытовало и порой продолжает бытовать до сегодняшнего дня представление о том, что в России вечный снег, по улицам в лаптях и с балалайками гуляют пьяные мужики, а по Красной площади бродят медведи. Перечень подобных примеров можно продолжить, однако, будучи ограничены рамками статьи, мы не имеем возможности это сделать. Ко всему сказанному добавим только, что архетип, принадлежа области коллективного бессознательного, сам никогда не может достичь сознания непосредственно, но только опосредованно, с помощью символов. Одним из средств “репрезентации” архетипов, а следовательно, и моделирования виртуальной реальности являются, наряду с фразеологией, прецедентные феномены. (Ср.: “Современный миф дискретен: он высказывается не в больших повествовательных формах, а лишь в виде «дискурсов»; это не более чем *фразеология*, набор фраз, стереотипов” [Барт Р. Указ.соч. С. 15]). Но это уже материал для другого исследования.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что вторжение виртуального мира в нашу повседневную жизнь становится все очевидней и вызывает определенные опасения (по крайней мере демонстрирует, насколько “внушаемо” российское общество). Мы не беремся судить о последствиях процесса “виртуализации”, скажем только, что он опирается на благодатную почву — архетипические черты массового сознания, которые отшлифовывались на протяжении всей русской истории и которые следует воспринимать как данность.

РАЗГОВОР ИЗ ПЯТИ УГЛОВ
Угол пятый:
Истины, которым человек помогает умереть

© доктор филологических наук В. Н. Базылев, 2000

Мысли свои он ловил, как мух, почти всегда безуспешно
М. Павич

Действительно, реальный мир не занимает привилегированного положения. Абсолютной истины нет, она зависит от наблюдателя и свидетеля событий. Но и помимо этого парадокс ощущается в том, что от лат. *virtus* — *истина* берет этимологическое начало виртуальность, которая ближе к языку, чем к реальности и, стало быть, более реальна, чем сама реальность. Дело в том, что существуют психологические вероятности, которые В. Паули однажды назвал "каталогами ожидания" (*Erwartungskataloge*). Это означает, что существует перечень предполагаемых событий, и возможно осуществить в определенных рамках расчет их вероятностного проявления. Божество играет с реальностью, а человек пытается исследовать ее, чтобы определить свое местоположение; описание внутренней и внешней реальной ситуации позволяет человеку в дальнейшем влиять на обстоятельства, но не в абсолютном каузальном понимании, т. к. каузальность — это лишь тенденция или преобладающая вероятность. Каузальность — это лишь один из способов мышления (один из когнитивных приемов), позволяющий мысленно охватить некоторую совокупность (поле) явлений, но не дающий доступа к глубинным основам: реально ли все это или ирреально. Иное дело так называемое синхронистическое мышление, или когнитивные стратегии (конstellationen), при которых охватывается и реальное и ирреальное — физическое и психическое: когда человека посещают те или иные мысли или сны, происходят те или иные внешние физические события, т. е. имеет место симпатический адрогин реальных и ирреальных событий. Хотя при каузальном мышлении и возникает проблема времени вследствие необходимости установления временной последовательности (до и после), данная проблема более значима при синхронистическом способе мышления в связи с наличием ключевого момента — некоторого момента времени, который является объединяющим, фокусирующей точкой для наблюдения за определенным комплексом событий. Так, при обращении и при общении с гадателями таким моментом времени станет безвыходная ситуация, состояние эмоционального напряжения, но

отнодь не состояние благополучия, когда нет причин для серьезного беспокойства. Тогда можно говорить о переходе человека из обыденного состояния сознания в измененное состояние сознания — от сновидений до шизофрении и психоза, от наркотического или алкогольного опьянения до параноидального бреда, до изменения восприятия мира под влиянием стресса, что является следствием пространственного и временного от-граничения.

— У человека есть мир, в котором он живет, — назидательно сказал сирруф. — Человек является человеком потому, что ничего, кроме этого мира, не видит. А когда ты принимаешь сверхдозу ЛСД или обедаешь пантерными мухоморами, что вообще полное безобразие, ты совершаешь очень рискованный поступок. Ты выходишь из человеческого мира, и, если бы ты понимал, сколько невидимых глаз смотрит на тебя в этот момент, ты бы никогда этого не делал. Е если бы ты увидел хоть малую часть тех, кто на тебя при этом смотрит, ты бы умер со страху. Этим действием ты заявляешь, что тебе мало быть человеком и ты хочешь быть кем-то другим. Во-первых, чтобы перестать быть человеком, надо умереть. Ты хочешь умереть?

— Нет, — ответил Татарский и искренне прижал руку к груди.

— А кем ты хочешь быть?

— Не знаю, — сокрушенно сказал Татарский.

— Но ты-то зачем его съел?

— Хотел оцутить биение жизни, — сказал Татарский и всхлипнул.

— Биение жизни? Ну оцутти, — сказал сирруф. (Виктор Пелевин. Generation "IT").

Человек идет к гадалке: он хочет, чтобы ему объяснили вероятности в последовательности событий; он хочет вернуться через измененное состояние сознания в обыденное, вернуться в реальность, в свою реальность, к своему каталогу ожидания.

... гадалка взяла руку соседа. Смела, конечно, с ладони всякую производственную чепуху. А то, дескать, никаких линий не видать. Нашла руку ничем не замечательной и потому предсказала скорый мордобой в доме, который в дальнейшем и произошел. (Михаил Зощенко. Хиромантия).

Для наилучшего прочтения ситуации в определенный момент времени приняты различные техники: техники установления симпатии между реальностью и виртуальностью (по принципу *Wahlerwandschaften*). Можно вначале рассмотреть реальные события, а затем создать выразительную модель настоящего-будущего (в гадании на картах, например); при этом поведение человека может быть/стать/оставаться либо реальным, либо виртуальным: он либо симпатизирует ситуации (принимает ее, подстраивается под нее), либо симпатизируется ситуацией (изменяет ее под себя).

Гадалку — клиенту: В переднем нижнем углу 8 трэф — ваш дом, и 8 бубен — в вашем доме будет много говорить о деньгах. Вот и все, что выпало вам в этот раз. Не особенно содержательно, и главное я вижу, что вы одиноки (король трэф совершенно отсутствует), возле вас даже не видно близкой дамы, не видно общества; нет ни больших горестей, ни радостей, ни вообще тревожений. Но — это и лучше! (Друг тоскующих. М., 1899).

Но можно сначала строить интуитивную модель, из которой выводятся внешние и внутренние события. Будут ли они реальными? Может быть, да! Можно убедить себя, что день будет удачным, поскольку утром в спальне светило солнце. Роман Милорада Павича "Последняя любовь в Константинополе" создан, например, как последовательность карт таро: первично заданная, она задает судьбы персонажей.

А Тэффи (Н. А. Лохвицкая), сравнивая реальность жизни и реальность того, что выходит из-под пера сочинителя, скажет:

— У писателя почти всегда хороший культурный вкус, чувство меры, тактичность. У жизни ничего этого нет, и валяет она прямо, без запятых. ... Подлинные происшествия нужно перерабатывать в литературные произведения, старательно подлаживая их под те требования, которые мы желаем предъявлять к жизни... Недавно я была поражена, до чего грубо и безвкусно острит жизнь. А раз эта блестящая выдумка принадлежит самой жизни, все относятся к ней с какой-то трусливой почтительностью. Жизнь, как беллетристика, страшно безвкусна. Красивый, яркий роман она может вдруг скомкать, смять, оборвать на самом смешном и нелепом положении, а маленькому дурацкому водевилю припишет конец из Гамлета... Но что поделаешь, если выдуманная правда гораздо жизненнее настоящей!

К этому она добавит, как работала над святочным рассказом о дантисте, или прочитала о судебном процессе, в котором фигурировали двое юнкеров-кавалеристов — Кобылин и Жеребцов. Или же опишет случай, как к ней пришла дама и сказала:

— А я читала, как вы меня передернули.

— Я? Вас? Когда?

— Нечего! Нечего! Ведь вы же написали, что одна толстая дама сломала зонтик, а я как раз вчера сломала.

— Так ведь я два месяца назад тому написала, не могла же я предвидеть, что это с вами случится!

— Ах, не все ли равно, когда это случилось — вчера, два месяца тому назад? Важен факт, а не время. Стыдно... (Р. А. Тэффи. Жизнь и темы).

СТАТЬИ

Фет и Ван Вэй: генотипическое сходство?

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин, 2000

1. Читая некоторые стихи Афанасия Афанасьевича Фета, невольно ловишь себя на сопоставлениях, от которых отказываешься как от недопустимых, но к которым снова возвращаешься. Одно из таких “провоцирующих” стихотворений, часто цитируемое (кто над ним не издевался и кто не пародировал?), — это написанное в 1830 г. “Шепот, робкое дыханье...”

Привычный “визуальный” ряд этого стихотворения (см.: [Фет, 1996: 124]) — три катрена, двенадцать строк — сначала воспринимается как нечто само собой разумеющееся, но после второго или третьего чтения строки начинают комбинироваться в другом порядке: *Шепот, робкое дыханье, трели соловья, серебро и колыханье сонного ручья* (первая строка), *свет ночной, ночные тени, тени без конца, ряд волшебных изменений милого лица* (вторая строка), *в дымных тучках пурпур розы, отблеск янтаря, и лобзания, и слеза, и заря, заря!..* (третья строка).

Такая комбинация почти сразу же заставляет вспомнить о некотором прототипе, а именно о трехстишии (хокку):

- 1) *Будто в руки взял
Молнию, когда во мраке
Ты зажег свечу;*
- 2) *Нет! Не увидишь здесь
Ни единой пылинки
На белизне хризантем;*
- 3) *Крыльями бьет мотылек,
Хочет их белому маку
Оставить в прощальный дар*

[Басё, Бусон, Исса... 1993: 52, 136, 147]

Иными словами, фетовское стихотворение допустимо рассматривать как хокку, но представленное в той форме, которая навязывает разбиение на семантические блоки (семемы) и внутри катрена, и вне его. Точнее говоря, “Шепот, робкое дыханье...” диктует маркированную ритмизацию семантики, а японские поэты предлагают считать ритм семантики нейтральным / лишенным свойства акцентуации.

Небезынтересно и следующее: японские трехстишия также могут быть модифицированы, если рассматривать их в качестве непарцеллированного единства, семиоритмического периода (ср. с большой мерой — тактометрическим периодом [Квятковский, 1966:141]), или, иначе говоря, могут существовать в таком виде: *Будто в руки взял молнию, когда во мраке ты зажег свечу, нет, не увидишь ты здесь ни единой пылинки на белизне хризантем, крыльями бьет мотылек: хочет их белому маку оставить в прощальный дар.*

Тогда оказывается, что хокку — это у д е т е р о н ы (в том их понимании, какое предлагал В. П. Бурич), и именно из них и состоит фетовское стихотворение. Следствия из этого очевидны: в первом случае позволительно изменить переводческий фокус внимания и считать хокку адискурсивным семиоритмическим периодом, во втором случае — изменить интерпретационный фокус внимания и считать стихотворения А. А. Фета дискурсивным семиоритмическим периодом, состоящим из трех малых мер / из трех у д е т е р о н н ы х к р а т .

Стихотворение А. А. Фета “Сосна так темна, хоть и месяц...” (1842 г.) также напрашивается на “переформатирование”: *Сосна так темна, хоть и месяц глядит между длинных ветвей* (первая строка), *то клонит ко сну, то очнешься* (вторая строка), *то мельница, то соловей, то ветра немое лобзанье, то запах фиалки ночной, то блеск замороженной дали и вихря полночного вой* (третья строка), *и сладко дремать мне — и грустно, что сном я надежду гублю* (четвертая строка), *мой ангел, мой ангел далекий, зачем я так сильно люблю?* (пятая строка) [Фет, 1996: 66].

Это стихотворение, состоящее, как и первое (из трех катренов, двенадцати строк), может быть сопоставлено с такими образцами старояпонской поэзии:

- 1) *Как? Неужели она?
Не в нашем, не в суетном мире
Весна началась?!
Словно лотос, раскрылась калитка,
Небо рассветом дохнуло!*
- 2) *Равнина небес!
Далеко я взор простираю.
Как?! Та же луна
В юности моей восходила
в Кáсуга, над горой Микáса?!*

[Сто стихотворений... 1994: 251, 68]

По-видимому, эти пятистишия также могут быть сведены к их удетеронным составляющим, но в данном случае важно другое: написанное

А. А. Фетом есть не что иное, как т а н к а . Иными словами, он и автор второго пятистишия, Абэ-но Накамара (698-770 гг.), принадлежат к одной поэтической стае.

2. Об Абэ-но Накамара пишут следующее: "... поэт, литератор, отпрыск знатного рода. Девятнадцати лет был послан на учение в Китай. Служил там при дворе императора Сюаньцзуна, снискал славу талантливого литератора, был хорошо знаком с великими китайскими поэтами Ли Бо и Ван Вэем" [Сто стихотворений... 1994: 69].

Ван Вэй (701-761 гг.) — художник и один из знаменитых поэтов буддийской / дзэн-буддийской ориентации (эпоха Тан — VII-X вв.). Он славился особым умением живописать "горы и воды".

Вот несколько примеров:

1) *ХОЛМ В ЦВЕТУ*

*Бесконечные взмывы птиц,
Вновь осенние краски в горах.
Сверху донизу холм в цвету,
Бесконечное волшебство.*

Вариант:

*Бесконечные взмывы птиц,
Вновь осенние краски в горах.
Сверху донизу холм в цвету,
Без конца и без края печаль.*

2) *В КРАЮ МАГНОЛИЙ*

*Осень, горы, последние отблески,
Птицы летят друг за другом вдогонку.
Время желтеть изумрудно-пестрому,
Закат. Туманные дали.*

3) *ОЗЕРО С ПОЛОГИМ БЕРЕГОМ*

*Свирель, чья песня падает у озерных истоков,
И прощальный закат.
Озеро. Берег. Оглянулся:
Синь гор, облаков белые свитки.*

Чтобы яснее представить суть поэтических / тропологических приемов Ван Вэя, необходимо, конечно, подстрочный перевод, предваряемый транскрипционным рядом. Рассмотрим первое стихотворение — "Холм в цвету".

ХУА ЦЗЫ (ЦЗА) ГАН

*Фэй няо цюй бу цюн,
Лянь шань фу цю сэ.
Шан ся хуа цзы ган,*

Чоу чан цин хэ цзи!

[Ван Вэй, 1959: 117],

где хуа — “1) цвет, цветок... 2) цветущий; роскошный, блестящий, великолепный...” [Ошанин, 1952, N 2560: 246]; цзы — “1) сын; дитя...; 2) господин; учитель; философ...”; цза — 1) суффикс имен существительных, обозначающих предметы, лица, профессии [там же, N 3038: 296]; ган — “холм; сопка; хребет; гребень горы” [там же, N 3730: 369]; фэй — “1) летать; носиться в воздухе, летучий...; 2) стремительный, проворный...” [там же, N 7674: 725]; няо — “птица; птичий; птичий полет...” [там же, N 4490: 436]; цюй — “1) уходить; отправиться, идти; 2) уйти из...; уехать из...” [там же, N 8636: 833]; бу — “1) отрицание перед прилагательными, модальными глаголами, связками..., не...” [там же, N 7799: 734]; цюн — “1) бедность; нужда; нищета...; 2) ... истощаться; иссякать... [там же, N 4625: 442-443]; лян — “1) соединяться; соприкасаться, примыкать...; 2) следовать непрерывно; сплошной; непрерывный...” [там же, N 6512: 615]; шань — “1) гора; горный, уединенный...” [там же, N 975: 90]; фу — “1) возвращаться; восстанавливать... <...> 3) снова, опять, еще; повторять...” [там же, N 6265: 588]; цю — “1) осень; осенний; <...> 3) ... жатва, сбор урожая” [там же, N 5458: 508]; сэ — “1) цвет; окраска; оттенок; цветок...” [там же, N 7148: 679]; шан — “1) верх; верхний; наверху; сверху; вверх...” [там же, N 79: 10]; ся — “1) низ; нижний; внизу, снизу; вниз...” [там же, N 1973: 197]; хуа (см. выше); цзы (см. выше); ган (см. выше); чоу — “огорченный; грустный; разочарованный” [там же, N 3801: 377]; чан — “разочароваться, огорчаться; досадовать” [там же, N 5657: 524]; цин — “1) чувства, эмоции; любовь, страсть; ... симпатии; стремления...” [там же, N 3607: 357]; хэ — “1) что; какой; где; куда; откуда; как, каким образом; почему...” [там же, N 2985: 291]; цзи — “1) в высшей степени; крайне; крайний...” [там же, N 77: 10].

Подстрочный перевод этого стихотворения может быть представлен в таком виде:

ЦВЕТУЩИЙ ХОЛМ / ХОЛМ В ЦВЕТАХ

Нет конца взывам проворных птиц, череда гор снова в осенних красках / оттенках. Холм в цветах вверху и внизу, откуда / с какой стати беспредельная печаль / тоска?!

Примечание: Последняя строка ванвэевского четверостишия — самая главная. Это, если угодно, — строка-гнома, не совсем привычная для нашего поэтического обихода. Именно она и отсылает к тому, что японские литераторы называли ёдзё (сверхсмысл / послечувствование) или юген (темный / сокровенный смысл, лежащий за словом) (см. в связи с этим [Сто стихотворений... 1994: 175, 241-242]), а

китайские — “воздействием и откликом” или “образом без образа” (см. по этому поводу [Книга прозрений, 1997: 140-158]). Иными словами, *чоу чан цин хэ цзи* — отсылает к тому, что М. К. Мамардашвили называл “ритмами и интонациями нашей (и добавлю — чужой — Ю. С.) души” [Мамардашвили, 1997: 16], к тому беспредельному, что не может быть названо, но постигается как о ч е в и д н о е: “Тот, кто способен понять невысказанное в словах, умеет говорить без слов. Кто ловит рыбу, замочит одежду, кто гонится за зверем, устанет бежать, и удовольствия в том не будет. Поэтому предел речи — отсутствие слов, предел деятельности — недеяние” [Чжуан-цзы. Ле-цзы, 1995: 382]. Говоря иначе, вхождение в беспредельную печаль / тоску и пребывание в ней — это пребывание в зоне межмирия, морока, наваждений и колдовства (ср. с “Пикником на обочине” Аркадия и Бориса Стругацких [А. Стругацкий, Б. Стругацкий, 1997]), вхождение в ту ауру, в которой печаль / тоска — нечто большее, чем то, на что она указывает: состояние безбедного горя и безрадостного счастья, свойственных подлинному / сокровенному миру (мин) (о нем и о мире профанном — мире “следов” (цзи) и “теней” (ин) — см. [Книга прозрений, 1997: 13-26]).

3. Если согласиться с вышеприведенными рассуждениями, неминуем следующий вывод: и японские поэты, и Ван Вэй, и Фет жили и сочиняли, руководствуясь тем пониманием СЛОВА, о котором писал В. Соловьев: “Лирика останавливается на более простых, единичных и вместе с тем более глубоких моментах созвучия художественной души с истинным смыслом мировых и жизненных явлений; в настоящей лирике, более чем где-либо (кроме музыки), душа художника сливается с данным предметом или явлением в одно нераздельное состояние” [Соловьев, 1996: 8]. С таким истолкованием лирики вполне можно согласиться, но оно все-таки нуждается в уточнении. И Ван Вэй, и Фет — в своей чистой, не прикладной, по выражению В. Соловьева, лирике — искали Дао (ПУТЬ), в котором “смысл — это только надежда” [Малявин, 1995: 25], населяющая Великую Пустоту, искали забвения (другого бытия) в сокрытости Хаоса, вспышки “чудесного впадения” (мяо ци), “... благодаря которому опознается присутствие вечно отсутствующего “подлинного господина”, нашего “подлинного облика”, существующего “прежде нашего рождения” [там же: 40]. Короче говоря, и Ван Вэй, и Фет стремились стать “флейтами Неба”, а не оставаться “флейтами человека” [там же: 40-44] (см. также обо всем вышеизложенном [там же: 3-56]).

4. Осознаваясь как с л е д / т е н ь , СЛОВО не могло не оказываться знаком / меткой / символом Единого. Оно было и нечто, и ничто, осмысляясь и переживаясь в этом двуедином качестве / состоянии. Со-

бирание и соположение СЛОВ, пропевание их превращений являлось порукой обретения Дао и Дэ и, может быть, спасением себя и поэзии.

Такая установка предопределяла и соответствующий характер поэтической (тропологической) техники (технологии) (см. в связи с этим [Сорокин, 1985]): образы-метки / точечные образы размещались в пространстве стиха с расчетом на их семантическую автономность / локализацию (см., например, фетовское “Это утро, радость эта...” [Фет, 1996-а: 330]) и на отсутствие между ними предикативного соотношения (или на наличие его, но в вырожденном виде; см., например, ванзевские “В краю магнолий” и “Озеро с пологим берегом”).

5. “Фет умер в 1982 году, — пишет С. Л. Толстой. — Он страдал болезнью дыхательных органов — одышкой и бронхитом, последствием чего была большая слабость. В день своей смерти он был еще на ногах, но, чувствуя приближение роковой минуты, уговорил жену выехать за какой-то покупкой и умер, присевши на стул в своей столовой” [Толстой, 1968: 342].

Можно по-разному истолковывать этот последний фетовский поступок, но, на мой взгляд, его отношение к смерти напоминает отношение к ней Линь Лэя, того, кто “... в разгар весны надел меховую шубу и пошел по полю, распевая песни и подбирая колоски, оставшиеся на брошенной ниве” [Чжуан-цзы. Ле-цзы, 1995: 292]. “Смерть — это возвращение туда, откуда мы вышли, когда родились. Как же могу я знать, что, умерев сейчас здесь, я не буду рожден где-нибудь еще? Откуда мне знать, не является ли моя любовь к жизни заблуждением? Откуда мне знать, что моя смерть не будет лучше моей жизни?” [там же: 293].

Как умирал Ван Вэй — неизвестно, но Афанасий Афанасьевич Фет умер как даос (дзэн-буддист). И жалеть он мог лишь о том загадочном огне, который рождает и все вопросы, и все ответы:

*Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня¹,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.*

[Фет, 1996-а: 324]

Литература

1. Басё. Бусон. Исса. Летние травы. Японские трехстишия. М., 1993.
2. Ван Вэй. Избранное. Пекин, 1959 (на кит. яз.).
3. Китайско-русский словарь. / Под ред. И. М. Ошанина. М., 1952.
4. Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966.

---

¹ Об *огне* как о пульсации усилия войти (по Гераклиту) в бытие существующего см. [Мамардашвили, 1997: 91-93, лекция 6; 107, лекция 7].

5. *Книга прозрений*. М., 1997.
6. *Малявин В. М.* Мудрость “безумных речей” // Чжуан-цзы. Ле-цзы. М., 1995.
7. *Мамардашвили М. К.* Лекции по античной философии. М., 1997.
8. *Соловьев В.* О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // А. Фет. Воздушный город. Стихотворения 1840-1892 гг. М., 1996.
9. *Сорокин Ю. А.* Поэзия Ван Вэя (701-761) и буддизм (чань-буддизм) // Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
10. *Сто стихотворений ста поэтов*. СПб., 1994.
11. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Пикник на обочине. Отель “У погибшего альпиниста”. Улитка на склоне. СПб., 1997.
12. *Толстой С. Л.* Очерки былого. Тула, 1968.
13. *Фет А.* Лирика. Ростов-на-Дону, 1996-а.
14. *Чжуан-цзы. Ле-цзы*. М., 1995.

"Коболок": сказка: комментарий первый и последний

© доктор филологических наук В. Н. Базылев, 2000

*И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет*

(О. Мандельштам)

Это — фрагмент книги для чтения для иностранных студентов-филологов, это — рассказ иностранцам о России. Это — серия примечаний к сказке. Серия — двенадцать примечаний, неповторяющихся и перемежающихся, составляющих "коллективное единство", единство деконструкции и реконструкции, т. е. чтения и понимания текста, эстетического наслаждения "сказкой".

Комментарий 3. Колобок. Амбивалентность — от лат. *ambo* — оба и *valentia* — сила; двойственность чувственного переживания, выражающаяся в том, что один и тот же объект вызывает к себе у человека одновременно два противоположных чувства. Обычно одно из амбивалентных чувств вытесняется (как правило, бессознательно) и маскируется другим. Амбивалентность коренится в неоднозначности отношения человека к окружающему, в противоречивости системы ценностей. Термин предложен швейцарским психологом Э. Блейером (БСЭ. 3-е изд. М., 1969. Т. 1. Стлб. 1497).

Круглый, плоский. Круглый, округлый. Колобъ м. — бѣкъ, — бѣчекъ; колобуръ, колобухъ, колобушекъ, колобуха ж. — бѣшка, колѣбка, колѣбанъ м. — башка об. — банчикъ м. колѣбишкѣ; колѣбища, скатанный комъ, шаръ, грудѣ, валенецъ, катанецъ; небольшой, круглый хлѣбецъ; кокурка, толстая лепешка, клецка из прѣснаго тѣста, ино на молокѣ; пряженецъ кислаго тѣста, ол. круглый пирогъ съ толокномъ. Колобъ тѣста, сыру, глины и пр. Толокняный колобъ, валенецъ на маслѣ. Колобъ съ сокомъ, съ коноплянымъ молокомъ. Сѣроки святыя, колобаны золотыя, въ день 40 мучен. пекутъ колобы или жаворонки. Я колобокъ, по сусекамъ метень, въ сырѣ маслѣ пряжень изъ сказки. Нѣмецкій колобъ съ изюмомъ. Подъ стукаловъ монастырь, подъ чугунныя колобы, на войну. Не блины, а колобы. Отъ сына дурака не хлѣбы, а колоба. Печь колобы, острить, шутить, балясничать арх. Колобѣнчатый пск. твр. о скотѣ выкормленный и холеный, взрослый на колобахъ. Колебяшкѣ, симб. послѣдній хлѣбъ изъ квашни (Даль В. И.

Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Том второй. СПб.-М., 1881. С. 138).

Кóлоб "шар, колобок, моток, круглый хлеб", арханг., вологодск., нижегор., псковск., тверск.; колобúха "галушка, увалень", сюда же колобáн "толстая лепешка" тверск. околóбеть "сжаться", скóлобить "сжать комом", укр. колобóк. Надежные сопоставления отсутствуют, но вряд ли это слово является заимствованием. Корш и Бернекер сравнивают это слово с греч. χολλῶνος "пшеничный хлеб", однако заимствованное из греч. слово (вопреки Бернекеру) имело бы «в», но никак не «б». Следует отделять от словен. sklabetina "осадок, намыв" по семантическим соображениям, вопреки Торбьёрнссону. Выведение из шв. klabb "чурка", норв. klabb "ком" или из др.-исл. kolfr "брус, шест" фонетически несостоятельно. Едва ли связано с коло (см. колесó), вопреки Горяеву. Отсюда колбѣк "огрызок, кончик". Сомнительно родство с греч. χολοβός "изувеченный", о котором см. Бузак. Ср. лтш. kalbaks "ломоть, краюха, хлеба" (см. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. II. М., 1986. С. 292). Колобóить "болтать, трепать языком". Возм. от кóло, óколо и бáить? По мнению Торбьёрнссона, родственно чеш. klábos "хлопанье", klábositi "болтать". (Там же. С. 293).

Амбивалентность мужественности и женственности. "Круглость" колобка соотносит его с женскими грудями, но тот языковой факт, что колобок — толстая лепешка, или то, что тесто вначале сжато, а затем набухает, — соотносит его безусловно с мужским началом. Неоднозначными оказываются тогда соответствия этимологического плана: шв. чурка, норв. ком, др.-исл. брус, шест; ср. вышеприведенное колбѣк "огрызок, кончик". "Привлекающая большее внимание и интересная для обоих полов часть гениталий, мужской член, символически заменяется похожими на него по форме предметами, такими, например, как палки, шесты, деревья и т. п." (З. Фрейд. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1991. С. 92-106).

Контаминация: интересно, а этого колобка пекли на «женских» или «мужских» дровах?

Амбивалентность вытесняется в русской культуре в пользу мужского начала колобка. См. у Даля: подь чугунные колобы, на войну; не блины, а колобы; от сына дурака не хлѣбы, а колобá. Печь колобы, острить, шутить, балясничать — это признаки мужского речевого поведения. "Трудно рассказать, как хорошо потолкаться, в такую ночь, между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся

ночь. Под плотным кожухом тепло; от мороза еще живее горят щеки; а на шалости сам лукавый подталкивает сзади" (Н. В. Гоголь. Ночь перед Рождеством).

Носитель современного русского языка (первая половина XX в.): Колобо́к, бка́, м. Небольшой круглый хлебец. Бабы-казачки напекли своим "учительницам" пирогов, колобков сдобных, вышли их провожать с поклонами, с поцелуями (Фурм. Чапаев). Бабушка взяла крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, набрала муки пригоршни с две и сделала веселый колобок (Пришв. Колобок). Колобо́к, в знач. нареч. То же, что калачиком. Наверху, вместе с торбами, колобком свернулся Тишка (Мальшк. Люди из захолустья) (Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. М.-Л., 1956. С. 1169).

Русский ассоциативный словарь (Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. Кн. 1-6. М., 1994-1998).

От стимула — к реакции: колобок: круглый, сказка, лиса, катится, тесто, вкусный, повесился, румяный, хлеб, шарик, бабушка, бабушкин, блины, болобок, большой, булка, булочка, веселый, глупый, дистрофик, докатился, желтый, зануда, из сказки, катился, катиться; колобок, я тебя съем; улыбающийся; куб, лобок, медведь, мучной, на урок, не ушел, от дедушки ушел, розовый, светлый, сделанный, сказочный, следствие, сожрали, старуха, сусеки, съедобный, съели; толстый, как колобок; убежал, укатился; улыбка, шар, шар с ногами.

От реакции — к стимулу: колобки — Знаменский, следствие, колобок — жирный, замесить, из дома, ком, комок, круглый, шар, шарик, сказка; бок, квадрат.

Интерпретация: в современной (конца XX века) русскоязычной культуре, для носителей этой культуры, колобок — это одно из составляющих экзистенциального опыта, в котором со-существуют онтологические определенности и неопределенности (ср. колобок — круглый, шар, куб, квадрат), в котором нет противопоставленности реальности и вымысла; колобок — это прежде всего персонаж сказки (одна из первых сказок, которую рассказывают ребенку в раннем детстве) [сказка, тесто, лиса, медведь, бабушка, сусеки, из сказки, от дедушки ушел, сказочный, старуха, съели; колобок, я тебя съем; убежал, укатился; из дома, замесить]; персонаж, ассоциирующийся с мужским началом в русской культуре (по преимуществу) [большой, булка, булочка (N.B. в русской культуре еды городская или французская булка имеет продолговатый, вытянутый вид), лобок, шар с ногами ("... символическое замещение мужского органа к-н другим, ногой или рукой" (З. Фрейд. Указ. соч. с. 97; "...

три полусогнутых ноги, исходящие из одного центра, по-видимому, стилизация мужских гениталий. Там же. С. 102); Знаменский, следствие (персонаж советского детективного сериала, руководитель следственной бригады майор Павел Знаменский (актер Г. Мартынюк), один из сексуальных символов советской бытовой массовой культуры 70-х годов) [вырожденный характер приобретает детская TV-передача конца 90-х гг. "Следствие ведут колобки", радиопрограмма «Колобок и два жирафа», персонаж романов А. Марининой и пр.] (см. В. С. Елистратов. Словарь крылатых слов. Русский кинематограф. М., 1999); характерологически колобок — это типичный циклоид-сангвиник — добродушный, реалистический экстраверт, синтоник [вкусный, румяный, веселый, улыбающийся, розовый, светлый, толстый, жирный]; в русской культуре XX в. колобок — это ностальгия шизоидов-аутистов по здоровым жизнерадостным натурам-личностям; эта ностальгия XX века оборачивается амбивалентной неприязнью к такого типа натурам, и колобок вдруг становится: глупым, дистрофиком. Повеселился, докатился (дошел до неблагоприятного состояния вследствие чрезмерного ... (см. И. Юганов, Ф. Юганова. Словарь русского сленга. М., 1997), зануда, сожрали [так ему и надо], желтый (?) (предположит.: азиат (с отриц. коннотац.), азиатский (с отриц. коннотац.), низкопробное, пошлое, недобросовестное, ориентрованное на скандальное) (Толковый словарь русского языка конца XX в. СПб., 1998; В. С. Елистратов. Словарь московского арга. М., 1994; Т. Макловский, М. Кляйн, А. Щуплов. Жаргон-энциклопедия московской тусовки. М., 1997).

В качестве заключения к этому примечанию несколько анекдотов.

Анекдот в пространстве российской словесности располагается в нейтральной зоне между повседневным общением и художественной речью. Это своего рода жанровый кентавр, который совмещает в себе признаки фольклора и разговорной речи. ... Анекдот всегда пуповиной связан с реальным фактом. Даже если основные события его сюжета вымышлены, они проверяются действительностью: так могло бы быть. Даже если в нем действуют фантастические герои, звери; даже если его действие происходит в ирреальном пространстве — на том свете, в космосе, на Луне и т.д. — в изображаемых поступках героев угадываются знакомые контуры обыденных повторяющихся ситуаций социального взаимодействия людей. Однако реальность, которая порождает фабулу анекдота — это реальность особого рода: она тяготеет к крайним, экзистенциально-смеховым проявлениям бытия. Только запредельный в своей забавности случай, который к тому же претендует на *бытийную типичность*, может лечь в основу анекдота. При этом, важно понимать,

что тот, кто в первый раз рассказывает анекдот, — не автор, а медиум, чьими устами говорит коллективное бессознательное этноса (К.Ф. Седов. Основы психолингвистики в анекдотах. М., 1998. С.3).

Счастливый Петька вбегает к Чапаеву и заявляет:

— Василий Иванович, я колобка зарубил!

— Как это было?

— Иду, я иду. Смотрю: колобок катится. Ну, я его и рубанул шашкой.

— Дурак ты, Петька, это Котовский траншею копал.

(Это просто смешно! или Зеркало кривого королевства / Анекдоты: системный анализ, синтез. Классификация. Автор вст. ст. и сост. Л. А. Барковский. М., 1994. С. 146).

— А ты слышал, сегодня по радио передавали страшное известие?

— Какое?

— В Москве ... колобок повесился!

(М. П. Чередникова. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск, 1995. С. 158).

Чапаев Вас. Ив. (1887-1919), герой Гражд. войны, чл. КПСС с 1917. С 1918 команд. отрядом, бригадой и 25-й стрелк. дивизией, сыгравшей значит. роль в разгроме войск Колчака летом 1919. Погиб в бою. Образ Ч. отражен в повести Д. А. Фурманова "Чапаев" и одноим. кинофильме (СЭС. М., 1980. С. 1493).

Петька.

— Петька, в комендантскую! — скомандовал Чапаев. И сразу отделился и молча побежал Петька — маленький, худенький черномазик, числившийся "для особых поручений" (Д. А. Фурманов. Чапаев. М., 1968. С. 56).

[А. С. Маркин. Приключения Василия Ивановича Чапаева в тылу врага и на фронте любви. М., 1994].

Котовский Григ. Ив. (1881-1925), герой Гражд. войны. Чл. КПСС с 1920. В рев. движении с 1902, организатор вооруж. выступлений молд. крестьян в 1905 и 1915. Участник Окт. рев-ции в Молдавии. В Гражд. войне ком. кав. бригады, дивизии и корпуса (СЭС. М., 1980. С. 648).

Гражданская война и интервенция (1918-1920) в России, борьба рабочих и трудящихся крестьян под руководством Ком. партии за завое-

вание Окт. рев-ции против внутр. и внешн. контрреволюции... (СЭС. М., 1980. С. 338).

[Москва и московский текст русской культуры. М., 1998].

Переход к следующему комментарию: "Как и в каждой традиционной культуре, фундаментальные истины утверждаются на всех уровнях знания, хотя выражаются они средствами, присущими разным системам координат" (М. Элиаде. Мефистофель и андрогинии. СПб., 1998. С. 149).

Комментарий 4. Жил-был старик со старухой...

Типовая ситуация постфигуративной культуры. Постфигуративная культура — это такая культура, где каждое изменение протекает настолько медленно и незаметно, что деды, держа в руках новорожденных внуков, не могут представить себе для них никакого иного будущего, отличного от их собственного прошлого. Прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения; прожитое ими — это схема будущего для их детей.

Кто не работает, тот ест того, кто работает.

Правда, преемственность в такой культуре зависит от одновременного проживания в ней по крайней мере представителей трех поколений.

Со стариком и старухой в целом "базара нет". Это — предки. От [Даля]: прѣдокъ м. прародитель, праотець, прадѣды и праматери; родоначальникъ, пртвпл. потѣмокъ; вообще, прешественикъ в семьѣ, родѣ, племени, по восходящему колѣну ... (т.е. безотносительно ко времени порождения потомства) — и до совр. Предки — родители. Он познакомит ее с предками, это будет вроде помолвки, а там сразу и поженятся (В. Бакинский. Знаки лабиринта); Мой-то предок через десяток лет вернулся и забрал меня из детдома, а Вадькины так и остались где-то на Колыме (Р. Агишев. Луна в ущельях). Собственно даже не имеет значения непосредственность в порождении именно следующего контактного поколения. Мифологическое и неомифологическое сознание актуализует перманентно циклическую модель времени. См. у того же Даля: Прѣдки м. мн. будущее, что еще передъ нами. Предки дѣло выкажутъ. Предками не заручайся, или не задавайся. На-предки этого не дѣлай. Предки у Бога въ рукахъ (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 3. М., 1882. С. 387; А. Флегон. За пределами русских словарей. М., 1973. С. 269-270).

От социального устройства общества зависит, каких женщин и каких детей будет обеспечивать мужчина; хотя главное правило инвари-

антно: предполагается, что мужчина обеспечивает женщину и все ее потомство. При этом может быть совершенно несущественно, считаются ли эти дети его собственными или какого-нибудь другого мужчины, либо просто законными детьми его жены от прежних браков. Дети могут оказаться в его доме также благодаря усыновлению, выбору, сиротству. Ими могут быть девочки — жены его сыновей. Но представление о доме, в котором вместе проживает мужчина или мужчины и их партнерши, женщины, доме, куда мужчина приносит пищу, а женщина ее готовит, является универсальным (М. Мид. Отцовство у человека — социальное изобретение. В кн.: М. Мид. Культура и мир детства. М., 1989. С. 308-321).

Существенная черта постфигуративной культуры — это постулат, находящий свое выражение в каждом деянии представителей старшего поколения, постулат, гласящий, что их образ жизни, сколь много бы изменений в нем в действительности ни содержалось, неизменен и остается вечно одним и тем же. Тех, кто дольше всех был живым свидетелем событий в данной культуре, кто служил образцом для более молодых, тех, от малейшего звука или жеста которых зависело одобрение всего образа жизни, было мало, и они были крепки. Их острые глаза, крепкие члены, неустанный труд были свидетельством не только выживания их, но и выживания культуры, как таковой. Для того, чтобы сохранить такую культуру, "старики" были нужны для того, что служить законченным образцом жизни, как она есть.

Их образ жизни

Чем эти самые живут, / Что вот на паре ног проходят? / Пьют и едят, едят и пьют — / И в этом жизни смысл находят... / Надуть, нажить-ся, обокрасть, / Раствить, унижить, сделать больно... / Какая ж им иная страсть? / Ведь им и этого довольно! / И эти-то, на паре ног, / Так называемые люди / "Живут себе" ... И имя Блок / Для них, погрязших в мерзком блюде, — / Бессмысленный, нелепый слог... (И. Северянин, 1923).

Мужчины и женщины всех цивилизаций так или иначе ставили перед собой вопрос: "Что составляет специфические ценности человечества, чем люди отличаются от остального животного мира, насколько фундаментально и прочно это отличие?". Эта озабоченность может выражаться в настойчивом подчеркивании родства человека с животным. За поэзией и символикой, красотой великих жертвенных символов, когда агнец божий страдает за людей (превращаясь в козла отпущения) вновь утверждается родство человека со всеми живыми тварями.

"При смерти человека, — говорит Аккерман, — его душа переходит в рождающийся в этот момент индивидуум тотемного рода, и наоборот, душа умирающего тотемного животного переходит в новорожденного той семьи, которая носит его имя. Поэтому животное не должно убиваться и его нельзя есть, так как иначе был бы убит и съеден родственник". Животное тоже есть предок. Пойманный зверь знает всех предков героя: "Заговорил зверь, сказал он: дитя такого-то, такого-то, такого-то. Так он перебрал прозвища его дедушек, но не насчитал до десяти прозвищ, которых и мужчина не знал". Эта связь сохранена и в русской сказке. В сказке "Буренушка"¹ мачеха велит зарезать корову падчерице. Коровы говорит: "А ты, красная девица, не ешь моего мяса". В ряде вариантов эта корова — не что иное, как умершая родная мать девушки. Поев мяса коровы, девушка употребила бы в пищу кусок тела своей матери. В узком смысле слова животные часто оказываются родственниками героя. Правда, сказать "не ешь меня, я твой брат" животное в современной русской сказке не может. Поэтому данное положение переосмысливается в другое: животное не есть брат или отец героя, а становится им: "Ты не ешь меня, а будем-ка лучше братьями". Гораздо важнее, что герой и животное становятся зачастую не братьями, а отцом и сыном: "Пусть ты мой отец, а я тебе сын"². "И поймал он журавля и говорит ему: "Будь мне сыном"³. Формулу "ты меня не ешь, а будем-ка мы братьями" в исторической перспективе надо понимать как переосмысленное "ты меня не ешь, потому что мы братья" (В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 139-140).

Переход-связка: все звери, встречающиеся на пути у колобка, предки — родственники — (потомки, учитывая циклический характер времени).

Первый по счету на тропе — заяц. Он может быть/оказаться отцом: в белорусском полесье, в Харьковской губ. и на Кубани в игровых песнях о зайце к нему обращаются заюжно-бацюхно или заюшка-батюшка. Но может оказаться и зятем. Учитывая, что лиса-сестра (см. ниже), а сексуальная связь зайца с лисой общеизвестна: "Тоди вона замуж пуйдэ, як вона в лисы зайца споймая" (Ровенская обл., Дубровицкий р-н, Озерск). Многие украинские и русские сказки "обсуждают" то, как заяц "обесчестил" лису (или волчиху — в этом случае родственные связи с волком, см. ниже) (напр., Русские заветные сказки А. Н. Афанасьева, №

¹ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3-х т. Т. I. М., 1985. С. 122-124.

² Н. Е. Оичуков. Северные сказки. СПб., 1908. Зап., т. XXXIII. № 16.

³ Ивашко и ведьма // Народные русские сказки... Т. I. С. 141-143 (№ 107).

10-11) (А. В. Гура. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 177-199).

Второй на тропе встречается колобка — волк: кум (кумовство). Волк соотносится с "чужими": с женихом, с предком и пр. "Жили-были куманек и кумушка, волк да лисица" (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева... Т. I. С. 24 (№ 12). Кумъ м. Кумá ж., воспріемникъ, -ница, крѣстный отецъ и мать⁴: состоящіе въ духовномъ родствѣ, вообще; но крестнику своему воспріемники не кумъ и кума, а только между собой, и относительно родителей и родичей его (Даль. Словарь... Т. II. С. 217-218).

Следующий родственничек на пути колобка — медведь. Он — медведь — старик, дедушко. Повсеместно этимологически происхождение медведя связывается с человеком, обращенным в медведя в наказание за какие-либо провинности. Отсюда и название его личными именами: Мишка, Мишук, Михайло Иваныч (господин) Топтыгин, Топтыгин, Потапыч, Мхайло Потапович... (А. В. Гура. Указ. соч. С. 159-177).

[Русская антропонимия, как она складывается в XVI-XVII вв. резко разграничена социально. Бояр (а с эпохи реформ Петра I для высших членов в Табели о рангах) именовали трехчленно: индивидуальное имя + полное отчество (с — вич) + родовое имя; каждый из трех компонентов мог сопровождаться параллельным, например, разветвление боярских родов отражалось на родовых именах: Вельяминовы-Зерновы, Вельяминовы-Сабуровы и др.; любой из трех компонентов мог дополняться дедичеством и т. п. Для средних слоев преобладала такая формула именования: индивидуальное имя + отчество в форме краткого прилагательного на -ов(-ев), -ин. Вся остальная масса населения именовалась индивидуальным именем с обязательным формантом -ка, нередко с добавлением обозначения какого-либо признака (занятия, место рождения, краткого притяжательного прилагательного из имени отца) (Система личных имен у народов мира. М., 1989)].

Последний родственник в этой цепочке встреч на тропе — лисичка-сестричка, но она же невеста, она же кума. Известны легенды о невестке, проклятой свекровью или свекром и превратившейся в лису (А. В. Гура. Указ. соч. С. 199-257).

---

⁴ Тот факт, что колобок крещеный, не вызывает сомнения: обрядовый колобок из ржаной муки носил изображение креста наверху.

"Лисичка и говорит: "А что, волчику-братику, украдем этот пирожок и разделим его между собою по-братски." — "Хорошо, лисичка-сестричка, украдем" (Народные русские сказки... Т. I. (№ 4) С. 14).

Все персонажи нашей сказки двойственны (амбивалентны), они наделены и человеческими и животными признаками. Это характер (неомифологического мышления: следствие убежденности в отсутствии границ между людьми и животными. Наш мир — это не два мира, а один, в котором люди и животные слиты воедино и где все выглядит некой розовой патриархальной общиной. Семантика, мифическое время, принцип единства людей и животных — основы единства общежития. "В сказках перед нами возникают чисто русские картины: русские морозы, снега, избы, проруби, сани; русские обычаи сватанья, повоая, оплакивания покойников...". Этот тот дом и среда, которые естественны для людей и животных. И ведут себя люди и звери одинаково — здесь все на равных правах. В этом мире, где звери и люди живут по единым законам, действуют не некие условные ("общественный договор Ж.-Ж. Руссо") нормы морали, а самые простые "древние" инстинкты мифического времени, когда звери говорили, когда они были людьми" (Е. А. Костюхин. Типы и формы животного эпоса. М., 1987).

А ведь и сегодня общение с животными в жизни многих людей составляет особую, нередко значительную часть их душевной жизни. Некоторые люди в разных ситуациях могут разговаривать не только с животными и птицами, но даже с насекомыми: мухами, осами, пчелами и т. д. Ср.: "Пошла вон, мерзкая осица. Так тебе и надо, жадина, чтобы не лезла всюду". Постоянно же общается современный человек с домашними животными. Это общение редко обходится без разговоров. По наблюдениям лингвистов разговоры с животными выполняют две основные функции: эквивалент формы общения с человеком (животное — псевдоадресат) — "После размолвки сына с отцом. Сын собаке: Волька, пойдем с тобой отсюда. Раз с нами не хотят разговаривать, мы и уйдем. Мы вот сейчас возьмемся за лапы и уйдем. Да?"; разговор с животными в целях непосредственного общения с ними — "Женщина возвращается с работы, ей навстречу бежит кот: Моя радость, вот я и пришла. Скучал без меня?". В разговорах с животными человек чувствует себя раскованным. Это своеобразный жанр устной речи, интересный прежде всего тем, что он существует и сегодня, в начале XXI века; тем, что человек упорно обращает речь к "неговорящему существу". Животное же отвечает человеку на его слова по-своему, оно говорит с ним на языке чувств (О. П. Ермакова. Разговоры с животными: лингво-психологические

заметки. В кн.: Разновидности городской устной речи. М., 1988. С. 240-247).

В культурах такого рода каждый объект по своей форме, по тому, как с ним обращаются, как его принимают или отвергают, как им злоупотребляют, как ломают-уничтожают или же воздают ему заслуженные/незаслуженные почести, закрепляет формы производства и потребления всех других объектов. Каждый жест закрепляет, вызывает в памяти, отражает или же оказывается зеркальным образом, эхом любого другого жеста, более или менее полной версией которого он является. Каждое высказывание включает в себя формы, обнаруживаемые в других высказываниях. Любой сегмент поведения в данной культуре, если его проанализировать, оказывается подчиняющимся одному и тому же основополагающему образцу либо же закономерно связан с другими моделями поведения в данной культуре, в том числе с чувствами вне-временности всепобеждающего обычая (М. Мид. Культура и преемственность. В кн.: М. Мид. Культура и мир детства. М., 1988. С. 322-361).

Комментарий 5. Просит старик: "Испеки, старуха, колобок..."

Что это? С чего вдруг такая просьба? Это невыразимо на языке понятий. Это, скорее, экзистенциальная попытка осознания внутреннего бытия — своего, человека — в мире. Это проявление некоего духовного кризиса, в котором оказывается человек в постфигуративном сообществе, когда все вокруг — микро— макрокосмос — предопределено; а также того выбора, который он делает, чтобы выйти из этого кризиса. Одним из признаков кризиса может быть скука, как когнитивное эмоциональное состояние перехода от обыденного к изменённому состоянию сознания.

В контексте пишущихся нами примечаний совершенно справедливо следует указать на то, что один из способов невербального выхода в изменённые состояния сознания — это празднично-пиршественная еда, в пределе пир на весь мир. Изобилие еды и ее поглощение неразрывно связаны с телом и с образом производительной силы (плодородия, роста, родов). Еда — это открытость тела, момент его взаимодействия с миром; в акте еды тело выходит за свои границы, оно глотает, поглощает мир, вбирает его в себя. Происходит встреча человека с миром. Здесь человек вкушает мир, ощущает вкус мира, вводит его в свое тело, делает его частью себя самого. Эта встреча с миром всегда радостна и ликующа. В ней человек торжествует над миром, он поглощает его, а не его поглощают; граница между миром и человеком стирается здесь в положительном для человека смысле.

"Оканчивая писать, он [Чичиков] потянул к себе носом воздух и услышал завлекательный запах чего-то горячего в масле.

"Прошу покорно закусить", сказала хозяйка [Коробочка]. Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припёками: припёкой с луком, припёкой с маком, припёкой с творогом, припёкой со сметочками, и нивесть чего не было.

"Пресный пирог с яйцом!" сказала хозяйка.

Чичиков подвинулся к пресному пирогу с яйцом и, съевши тут же с небольшим половиною, похвалил его. И в самом деле, пирог сам по себе был вкусен, а после всей возни и проделок со старухой показался еще вкуснее.

"А блинков?" сказала хозяйка.

В ответ на это Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнув их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой. Повторивши это три раза, он попросил хозяйку заложить его бричку..." (Н. В. Гоголь. Мертвые души. Т. I. Гл. III).

Еда, обильная еда, всепоглощающая еда — напомним из примечания: колобёчатый выкормленный и холёный, взросший на колобах — как невербальная возможность выхода из ИСС оказывается, однако, двойственной.

В акте еды границы между телом и миром преодолеваются в положительном для тела смысле: оно торжествует над миром, празднует победу над ним, растёт за его счет, обретает состояние всеуспокоенности, блаженства, совершенства духовного, достигает гармонии с миром. Не может быть грустной еды. Грусть и еда несовместимы. Но смерть и еда совмещаются отлично. Пир всегда торжествует победу — это принадлежит к самой природе его. Пиршественное торжество — универсально: это — торжество жизни над смертью. В этом отношении оно эквивалентно зачатию и рождению. Победившее тело принимает в себя побежденный мир и обновляется.

Но есть и другая сторона еды: это — особая связь еды со смертью. Слово "умереть" в числе прочих своих значений значило также и "быть поглощенным", "быть съеденным". И это не абстрактный, голый конец — но именно завершение, чреватое новым началом. Амбивалентность состоит в том, что конец должен быть чреват новым началом, как смерть чревата новым рождением (М. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 307-334).

Н. В. Гоголь. Старостветские помещики.

Оба старичка, по *старинному обычаю* [традиция, ОСС] старостветских помещиков, очень любили покушать. Как только занималась заря (они всегда вставали рано) и двери заводили свой разногласный концерт, они уже сидели за столиком и пили кофий. < ... > После этого Афанасий Иванович возвращался в покои и говорил, приблизившись к Пульхерии Ивановне: "А что, Пульхерия Ивановна, может быть, пора закусить чего-нибудь?" "Чего же бы теперь, Афанасий Иванович, закусить? Разве коржиков с салом, или пирожков с маком, или, может быть, рыжиков соленых?"

"Пожалуй, хоть и рыжиков, или пирожков", отвечал Афанасий Иванович, и на столе вдруг появлялась скатерть с пирожками и рыжиками.

За час до обеда Афанасий Иванович закушивал снова, выпивал старинную серебряную чарку водки, заедал грибочками, разными сушеными рыбками и прочим. Обедать садились в двенадцать часов. Кроме блюд и соусников, на столе стояло множество горшечков с замазанными крышками, чтобы не могло выдыхаться какое-нибудь аппетитное изделие старинной вкусной кухни < ... > После обеда Афанасий Иванович шел отдохнуть один часик, после чего Пульхерия Ивановна приносила разрезанный арбуз и говорила: "Вот попробуйте, Афанасий Иванович, какой хороший арбуз". <...> Арбуз немедленно исчезал. После этого Афанасий Иванович съедал еще несколько груш и отправлялся погулять <...> Немного погодя он посылал за Пульхерией Ивановной или сам отправлялся к ней и говорил: "чего бы такого поесть мне, Пульхерия Ивановна?"

"Чего же бы такого?" говорила Пульхерия Ивановна: "разве я пойду скажу, чтобы вам принесли вареников с ягодами, которых приказала я нарочно для вас оставить?"

"И то добре", отвечал Афанасий Иванович.

"Или, может быть, вы съели бы киселику?"

"И то хорошо", отвечал Афанасий Иванович. После чего все это немедленно было приносимо и, как водится, было съедаемо.

Перед ужином Афанасий Иванович еще кое-чего закушивал. В половине девятого садились ужинать < ... > [ОСС].

Иногда, если было ясное время и в комнатах довольно тепло натоплено, Афанасий Иванович, развеселившись, любил пошутить над Пульхерией Ивановной и поговорить о чем-нибудь посторонним [поиск выхода в ИСС].

"А что, Пульхерия Ивановна", говорил он: "если бы вдруг загорелся дом наш, куда бы мы делись?" [ИСС] < ... >

Но Афанасий Иванович, довольный тем, что пошутил над Пульхерией Ивановной, улыбался, сидя на стуле [возврат к ОСС] < ... >

[другой вариант: ... и тогда Афанасий Иванович часто говорил, как будто не глядя на Пульхерию Ивановну: "Я сам думаю пойти на войну; почему ж я не могу идти на войну?" < ... > "Что ж", говорил Афанасий Иванович: "я куплю себе новое вооружение. Я возьму саблю или казацкую пику".

"Это все выдумки. Так вот вдруг придет в голову и начнет рассказывать", подхватывала Пульхерия Ивановна с досадою. "Я знаю, что он шутит, но все-таки неприятно слушать. Вот этакое он всегда говорит, иной раз слушаешь, слушаешь, да и страшно станет". Но Афанасий Иванович, довольный тем, что несколько напугал Пульхерию Ивановну, смеялся, сидя согнувшись на своем стуле...]

("Страшилки", рассказываемые Афанасием Ивановичем, являются одним из механизмов перехода из ОСС в ИСС: они имеют целью вызвать переживание страха, которое в заведомо защищенной и безопасной ситуации доставляет своеобразное наслаждение, приводит к эмоциональному катарсису. Не стоит забывать, что человеческое существование является зоной повышенной и открытой опасности; зоной, находящейся под неусыпным вниманием смерти, когда всякая опасность несет угрозу жизни, неотменяемую возможность смерти (см. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 444-445).

< ... > Задумалась старушка: "Это смерть моя приходила за мною!" сказа она сама в себе, и ничто не могло ее рассеять. Весь день она была *скучна*. < ... >

(Продолжение следует)

**Что в звуке тебе моем?
(фоносемантиконные особенности
экспликации психических и сексуальных ориентаций
в изоляции от общества)**

© кандидат филологических наук А. М. Холод (Украина), 2000

Как известно и установлено ранее [3], условия изоляции однополюх людей зачастую приводят к акцентуации определенных сексуальных ориентаций, к усилению ее вектора. В свете сказанного мы предположили, что русские речевые картины мира мужчин и женщин, вернее — фрагменты таких картин мира, могут эксплицироваться в речевых знаках и операциях вовсе не так, как могли бы эксплицироваться вне условий изоляции. Мы выдвинули гипотезу: сексуальные ориентации мужчин и женщин, пребывающих в изоляции от общества в условиях однополюго окружения, весьма ярко эксплицируются в их речевой деятельности.

Подобное предположение подверглось нами тщательной проверке экспериментальным путем.

Целью нашего экспериментального исследования было изучение и описание речевой экспликации половых особенностей носителей русского языка и экспликации в речи их сексуальных предпочтений.

Достижению поставленной цели способствовало решение следующих задач:

1) описание речевых особенностей изолянтов и испытуемых контрольных групп;

2) сравнение особенностей речи носителей симптомов половых девиаций с теми характеристиками, которые были описаны нами при построении и верификации моделей русских речевых картин мира мужчин и женщин (модель антропоцентрической ориентации речевой деятельности — МАОРД).

Испытуемым мужчинам и женщинам (131 человеку), находящимся в изоляции от общества и вне таковой, были предложены следующие задания и текст [14]:

1) тест Леонгарда-Холода на установление типа акцентуированной личности и на определение типа и вида сексуальных предпочтений [14: 36-50];

2) 20 психолингвистических и психологических заданий [14: 51-64].

Тест Леонгарда-Холода содержит 216 вопросов, ориентированных на определение типа акцентуированной личности (по К. Леонгарду [9]) и на определение типа и вида сексуальных предпочтений (оригинальные вопросы, составленные нами — А. Х. при анализе [7; 13: 123-200; 10; 11; 12; 8]).

В результате добровольного участия изолянтов и членов контрольных групп в нашем активе оказались заполненные тесты и выполненные психолингвистические и психологические задания. Ориентируясь на типологию акцентуированной личности К. Леонгарда и нашу оригинальную типологию симптомов сексуальных девиаций, мы отобрали для участия в дальнейшем исследовании в каждой группе испытуемых¹ тех индивидов, чьи акцентуации были наиболее частотными.

Всего экспериментальных групп насчитывалось 5, контрольных — 2. Среди экспериментальных групп значились следующие: 2 группы — “сифилис” (мужчины и женщины — стационарные больные сифилисом и гонореей); 2 группы — “осужденные” (осужденные-женщины и осужденные-мужчины, содержащиеся в колониях усиленного режима); 1 группа — “солдаты” (служащие срочной службы Вооруженных Сил Украины). Контрольных групп было 2: первая — женщины, приходившие на прием в женскую консультацию, и вторая — их мужья, добровольно согласившиеся принять участие в исследовании. В результате анализа заполненных карточек (тестов) были определены наиболее частотные типы акцентуированной личности (по К. Леонгарду). Таковыми оказались: *циклотимические* личности (группы женщин-сифилитиков и женщин-осужденных, женщин контрольной группы, мужчин-солдат); *гипертимические* личности (группа мужчин-сифилитиков); *эмотивные* личности (группа мужчин-осужденных); *дистимические* личности (группа мужей контрольной группы женщин). По сути дела все три группы испытуемых-женщин имели наиболее высокие показатели по типу циклотимической акцентуации, мужчины же в каждой из четырех групп имели разный тип акцентуации (гипертимический, эмотивный, циклотимический и дистимический). Учитывая то обстоятельство, что циклотимический тип личности представляет из себя смену фаз гипертимической и дистимической, мы можем говорить об относительной близости по акцентуации 6 из 7 представленных групп испытуемых. Седьмой группой, весьма далеко “стоящей” в ранжировке К. Леонгарда от шести упомянутых, стала группа испытуемых с кодовым рабочим названием “осужденные” (эмотивный тип акцентуации).

---

¹ В экспериментальных группах: осужденных, венерических больных, солдат; в контрольных группах: женщин, посещавших женскую консультацию, и их мужей.

Результаты типологии испытуемых по их сексуальным предпочтениям показали, что участники исследования достаточно близки по своим сексологическим параметрам. Так, для мужчин-испытуемых всех групп исследования характерны следующие нарушения: I — расстройство сексуальных потребностей (гиперлибидомия, или ощущение постоянного желания полового акта — в 75% случаев); II — препятствия в реализации сексуальных потребностей (синдром околосоновых сексуальных иллюзий — в 50% случаев); III — нарушение течения сексуальной жизни у мужчин (нарушение эякуляции — в 50% случаев); IV — сексуальные девиации (мужской гомосексуализм — в 50% случаев). Испытуемые-женщины всех групп исследования имели следующие нарушения: I — препятствия в реализации сексуальных потребностей (1 — синдром околосоновых сексуальных иллюзий, или устоявшиеся признаки сексуальной озабоченности у индивидов с высоким уровнем либидо, имеющих длительный перерыв в контактах с сексуальным партнером — в 66% случаев; и 2 — синдром Отелло, или патологическая ревность — в 66% случаев); III — нарушения течения сексуальной жизни у женщин (1 — первая степень аноргазмии, или отсутствие или крайне редкое достижение оргазма при половой жизни — в 66% случаев; и 2 — фригидность, или отсутствие полового влечения и низкий уровень сексуального возбуждения у женщин, вплоть до полного безразличия к любой сексуальной стимуляции — в 66% случаев); IV — нетипичные сексуальные отклонения (куннилингус, или форма орально-генитального контакта — в 33% случаев).

Таким образом, обобщенный портрет наших испытуемых может быть изложен следующим образом.

Для *женщин*: циклотимическая личность с препятствиями в реализации сексуальных потребностей и нарушением течения сексуальной жизни.

Для *мужчин*: циклотимические, дистимические и гипертимические, эмотивные личности с расстройствами сексуальных потребностей, препятствиями в их реализации, нарушением течения сексуальной жизни и с сексуальными девиациями.

Из изложенного выше следует, что, с точки зрения психологии, наиболее типичным для наших испытуемых разного пола выступает циклотимическая личность. Последняя свойственна людям, для которых характерна смена гипертимических и дистимических состояний. По К. Леонгарду [9: 124-125], радостные события вызывают у таких людей не только радостные эмоции, но их действия сопровождаются повышенной жадностью деятельности, повышенной говорливостью, скачком

идей. “Печальные события вызывают подавленность, ... замедленность реакций и мышления” [9: 124].

С точки зрения сексологии, типичными для наших испытуемых разного пола выступают расстройства сексуальных потребностей, препятствия в их реализации.

Исходя из названных характеристик и учитывая их особенности, ниже мы излагаем свои замечания относительно экспликации элементов общей картины мира русскоязычных мужчин и женщин в их речи. Мы излагаем наши замечания, опуская подробное описание, анализ и полное изложение экспериментальных данных и лишь вскользь упоминая методику нашего исследования (полное изложение методики можно найти в [14]).

Представим и проанализируем фоносемантические особенности речевых картин мира мужчин и женщин-студентов (нормалов) с теми, которые мы получили от экспериментальных групп разного пола (изолянтов).

Нами было установлено, что в число “любимых” звуков русского языка испытуемые-изолянты разного пола вносят кроме звука [a] разные звуки. Так, мужчины-стационарные больные сифилисом гипертимической акцентуации, имеющие симптомы препятствий в реализации сексуальных потребностей, предпочитают называть “любимым” звук [a] и дифтонг [ja]. В отличие от мужчин, женщины-стационарные больные сифилисом циклотимической акцентуации с теми же симптомами препятствий в реализации сексуальных потребностей “любят” не только звук [a], но и звуки [y], [o], [л]. При сравнении упомянутых предпочтений с теми, которые были зафиксированы в фоносемантике мужчин контрольной группы (“нормалов”, далее — без кавычек), было установлено, что “любимые”, или предпочитаемые, звуки русского языка у них отличаются от названных изолянтами. Так, мужчины-нормалы также имеют определенные девиации, тип которых сходен с типом девиаций изолянтов. Несмотря на указанное обстоятельство, предпочтения в звуках русского языка у нормалов фиксируются как: [a], [y], [o], [н]. Таким образом, мы констатируем не только количественное, но и качественное различие показателей испытуемых экспериментальной и контрольной групп испытуемых-мужчин: мужчины-сифилитики менее разнообразны в своих предпочтениях в звуках русского языка, чем мужчины-нормалы. По всей видимости, такое обстоятельство обусловлено влиянием на сознание сифилитиков со стороны мрачных акцентов, порожденных сомарефлексией самобичевания. Скудность эксплицированных “любимых” звуков мужчин-сифилитиков может объясняться и постоянным заниженным фоном настроения, нежеланием оказывать какую-либо

помощь исследователю в заполнении стимульных карточек. Таким образом, степень изоляции эксплицируется в речевом поведении изолянта, мир его переживаний трансформирован в фоносемантике указанной скудностью предпочитаемых звуков. С другой стороны, можно предположить, что именно сочетание типа акцентуации (в данном случае — гипертимический, постоянно повышенный фон настроения исследуемых нами изолянтов) и типов сексуальных отклонений (в данном случае — наличие препятствий в реализации сексуальных потребностей) ведет к подобной однообразной экспликации звуков русского языка. В любом случае у нас есть основания утверждать, что между элементами речевой деятельности и симптомами сексуальных отклонений есть опосредованная взаимосвязь.

Представляют интерес различные звуковые предпочтения у осужденных испытуемых-мужчин и у солдат, с одной стороны, и различные звуковые предпочтения у осужденных женщин и женщин-нормалов, с другой. Маркировкой степени изоляции осужденных разного пола является предпочтение ими разных звуков: так, женщины-осужденные “любят”, кроме звука [а], еще и звук [в]; мужчины-осужденные — звук [о]. При этом интересно отметить, что солдаты отдают предпочтение, помимо звука [а], еще и звукам [у] и [т]. Напомним, что в группе мужчин-нормалов “любимые” звуки русского языка имеют целый “набор” — [а], [у], [о], [н]. Анализ указанных особенностей позволяет, на наш взгляд, говорить о достаточно яркой экспликации фрагментов общей картины мира изолянтов в их речевой деятельности.

Вывод, касающийся фиксации фоносемантических особенностей речевой картины мира мужчин и женщин, находящихся в разной степени изоляции, может быть сформулирован следующим образом:

1) сифилис и связанные с его лечением условия изоляции маркируются в речи русскоязычных жителей Украины посредством выбора: испытуемыми-мужчинами звуков русского языка [а], [ја]; испытуемыми-женщинами — [а], [у], [о], [л];

2) у осужденных разного пола маркировка степени их изоляции также различна; женщины, отбывающие наказание в условиях усиленного режима — второго из имеющихся трех режимов строгости, маркируют в своей речевой картине мира степень своей изоляции посредством губно-зубного щелевого звука [в] и гласного нижнего подъема среднего ряда [а], в то время как мужчины, отбывающие наказание в колонии строгого режима — третьего из имеющихся четырех режимов строгости, степень своей изоляции маркируют “любимыми” звуками [а] и [о], т. е. гласными разного подъема и разного ряда;

3) смычным взрывным переднеязычным согласным [т] и гласными нижнего ряда и среднего подъема [а] и заднего ряда верхнего подъема [у] солдаты второго года срочной службы ВС Украины “отмечают” степень своей изоляции от общества.

Поскольку у каждого звука есть свои психологические эквиваленты [1; 2; 4; 5; 6: 43-44], мы предположили, что каждая звукобуква (термин А. П. Журавлева) имеет свои психологические антропоморфные характеристики. Реальность функционирования таковых в сознании носителей языка разного пола доказывает не только возможность верификации элементов общей картины мира в речи, но также и то, что пути экспликации элементов общей картины мира зависят от степени актуальности таких элементов при коммуникации. Для носителей определенных симптомов сексуальных отклонений и расстройств, к тому же относящихся к определенному типу акцентуированной личности, названные факторы выступают условиями актуализации конкретных речевых операций и языковых единиц. В своем исследовании мы провели эксперимент, в котором просили испытуемых изолянтов и неизолянтов представить, что каждая из звукобукв “У, Щ, Э, МБ” — это человек. Испытуемым необходимо было любыми словами описать характер каждого из этих “людей”. Анализ характеристик данных стимульных звукобукв как людей проводился с учетом негативности или позитивности тех качеств характера, которые испытуемые дали звукобуквам. Интерпретация полученных данных позволила нам сделать следующие выводы.

1) Мужчины-стационарные больные сифилисом гипертимического типа акцентуации и имеющие препятствия в реализации сексуальных потребностей представили в 1,7 раза меньше позитивных характеристик стимульных звукобукв, чем женщины-испытуемые циклотимического типа акцентуации с теми же видами препятствий в сексуальной деятельности. При этом, если у женщин-испытуемых не отмечены негативные характеристики звукобукв, то у мужчин-испытуемых таковых насчитывается 41,6%. По всей видимости, это результат влияния не только фактора пола, но и фактора отнесенности экспериментальных групп испытуемых к разным типам акцентуированных личностей: гипертимические личности — мужчины, циклотимические — женщины.

2) Характер звукобукв как людей в 2,5 раза чаще позитивно оценивается женщинами-осужденными, чем мужчинами-осужденными. Однако показатель негативных оценок звукобукв выше у мужчин-испытуемых (в 2 раза). Здесь также сыграла свою роль отнесенность испытуемых к разным типам акцентуированной личности (мужчины — эмотивные личности; женщины — циклотимические личности). Однако помимо этого наличие негативных / позитивных оценок звукобукв пре-

допределил, по нашему мнению, и тип сексуальных отклонений наших испытуемых. Так, мужчины-осужденные имеют симптомы расстройств сексуальных потребностей (нарушение либидо), нарушения течения сексуальной жизни и сексуальные девиации, тогда как осужденные-женщины имеют препятствия в реализации сексуальных потребностей и нарушение течения сексуальной жизни. Как видно из перечисленных типов сексуальных отклонений, в обеих группах испытуемых наблюдаются нарушения течения сексуальной жизни. Следовательно, указанный фактор, идентичный для мужчин и женщин, мог оказать влияние на полученные данные, т. е. «найти выход» в речевых и ментальных операциях испытуемых.

3) Попытка уравнивания типов акцентуированной личности и типов сексуальных отклонений привела нас к необходимости и целесообразности сравнения показателей испытуемых разного пола, разных степеней изоляции и свободы. В результате сравнительного анализа по указанным параметрам мы убедились в том, что показатели разнятся по половым признакам и по признакам степени изоляции / свободы испытуемых. Так, испытуемые-солдаты и испытуемые-посетители женской консультации, с идентичными показателями типов акцентуации, имеют разные показатели негативной и позитивной оценок-характеристик стимульных звукобукв как людей. Отсюда мы делаем вывод о том, что степень изоляции от общества и пол испытуемых имеют разные смыслы экспликации в речи. Представляет интерес кратность негативных оценок звукобукв испытуемыми-солдатами и испытуемыми-посетителями женской консультации: показатель кратности равен 1,6 в пользу доминирования негатива в оценках солдат и мужей посетительниц женской консультации. По-видимому, мужчины в большей мере, чем женщина, склонны к негативизации оценок звукобукв как людей. При этом степень и вид изолированности их от общества или степень их свободы в обществе не оказывает особого влияния (это доказывается небольшой амплитудой показателей позитивных оценок мужчинами стимульных звукобукв — от 58% до 25%). Амплитуда же показателей негативных оценок мужчин, находящихся в разной степени изоляции и свободы, выражена числовым показателем 59%, что выше в 2,1 раза, чем идентичный показатель негативных оценок у женщин разной степени изоляции или свободы (28%).

4. Таким образом, мы можем констатировать реальность экспликации половых характеристик наших испытуемых в оценках звукобукв как людей. Следовательно, оказывается доказанным наличие разных способов когнитивной речевой маркировки фактора пола носителя языка, а также существование разной экспликации фрагментов общей картины

мира мужчин и женщин, мотивирующей такую разную маркировку и ее экспликацию.

Л и т е р а т у р а

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. О задачах языкознания // Избр. труды по общему языкознанию. В 2-х тт. Т.1. М., 1993. С. 203-222.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. О задачах языкознания // Избр. труды по общему языкознанию. В 2-х тт. Т.2. М., 1993. С. 197.
3. Гульман Б. Л. Сексуальные преступления. Харьков, 1994.
4. Жинкин Н. И. Механизм речи. М., 1958.
5. Журавлев В. К. Звук и смысл. М., 1991.
6. Журавлев В. К., Камалаев А. К. Опыт фоносемантического анализа и синтеза // Проблемы фоносемантики: Тезисы выступлений на совещании. М., 1989. С. 43-44.
7. Имелинский К. Сексология и сексопатология. / Пер. с польск. М., 1986.
8. Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия, с обращением особого внимания на извращение полового чувства. / Пер. с нем. М., 1996.
9. Леонгард К. Акцентуированные личности. / Пер. с нем. Киев, 1981.
10. Васильченко Г. С. и др. Сексопатология. Справочник. / Под ред. Г. С. Васильченко. М., 1990.
11. Святоц А. М. Женская сексопатология. Кишинев, 1991.
12. Старович З. Л. Судебная сексология. М., 1991.
13. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности // Психология бессознательного. Сб. произведений. / Сост. М. Г. Ярошевский. М., 1989. С. 123-200.
14. Холод А. М. Экспериментальная программа по антропологической лингвистике. Кривой Рог, 1996.

Гендер “потустороннего” в славянской культуре

© кандидат филологических наук О. А. Бурукина, 2000

С первого крика новорожденного и до последнего вздоха умирающего всю его жизнь человека сопровождают свет и тьма, добро и зло, радость и печаль, удача и злосчастье. В мире людей, определенном изначально и вечной дихотомией человечества, гендерный фактор является детерминирующим, обуславливая и обосновывая единство и борьбу данных непреодолимых противоречий. В западноевропейской культуре и философии к особенностям мужского начала относили ясность, логическую упорядоченность, стойкость, замкнутость формы, конкретность и действенность. Женскому началу, считалось, присущи следующие особенности: неясность, стихийность, подвижность, открытость формы, символичность, созерцательность. “Женское” непременно отождествлялось со слабостью, материнством, очагом, земледелием; мужское, напротив, – с силой, защитой, охотой. Две культуры – женская и мужская, два менталитета были изначально противопоставлены друг другу [6: 141] как полярные, противоречащие. Когда в Западной Европе с укреплением христианства началась “охота на ведьм”, там легко и логично пожертвовали “малым” ради “большого”. Поскольку женский менталитет и культура отождествлялись с “неясностью” и “зыбкостью”, им вполне закономерно приписали и “неустойчивость” перед силами зла, а значит и сотрудничество с ними. К тому же духовенство сплошь состояло из мужчин, которые весьма разумно постарались оградить себя, защищая остальных представителей мужского пола от самой мысли о возможном пособничестве врагу рода людского. В Испании, Англии, Шотландии, Германии, Франции сгорели на кострах, были утоплены в реках и замучены тысячи ведьм¹. В то же время в средневековом и более раннем европейском фольклоре редки негативные упоминания о колдунах и чародеях-мужчинах (кроме легенд XIV-XV вв. о докторе

---

¹Ведьмы (колдуньи) – (от глаг. ведать – “знать”) в народных поверьях женщины, вступившие в союз с ДЬЯВОЛОМ (или другой нечистой силой) ради обретения сверхъестественных способностей. Колдовству ведьм приписывали эпидемии, засуху, неурожай. Ведьмы могли предсказывать будущее, делать яды и приворотные зелья. Они наделялись способностями оборотничества, летать по воздуху, оживлять любой предмет, делаться невидимыми. Их атрибуты – летучие мыши, черный кот, помело, кочерга, волшебные травы и т.п. Обычная внешность ведьмы – безобразная старуха, но она может принять и облик молодой привлекательной женщины. Для общения с нечистой силой ведьмы слетались на шабаш верхом на помеле, козле или свинье, в которых могли превратить человека.

Фаусте). Так, маг и чародей Мерлин (5-6 вв.) почитался учителем легендарного короля бриттов Артура и хранителем его королевства Камелот. “Злые волшебства-чародейства” в западноевропейской культуре традиционно приписывались женщинам, подвергавшимся гонениям, пыткам, карам. В XVII – начале XVIII века докатилась “охота на ведьм” и до России. И в русских городах тоже начались пытки и даже запылали костры. Но что примечательно, очень редко на них горели только женщины, поскольку “тому дурну учил ее, Агафьицу... сестры ее Овдотьицы свекор... Терешка Ивлев” [4: 373], или “крестьянин Трошка”, или “прохожий человек” и т. п., т. е. чаще всего “корень зла” виделся на Руси не в женском начале, а в мужском. Зло в женском воплощении в восточноевропейском, а именно в славянском фольклоре вообще и в русском в частности никогда не было “изначальным”, “исконным” в отличие от западноевропейской культуры. “Женское зло” в славянской мифологии всегда вторично, производно, что, видимо, сказалось и на особенностях российской “охоты на ведьм”, когда на костер восходили “жонки” вместе с мужьями или другими “виновниками ведовства”. О косвенной причастности “женского” к “потустороннему” говорит и тот факт, что имена-названия хранителей “запретных знаний” в русском языке изначально мужского рода. Безусловно, не всегда, но нередко категория рода является грамматическим выражением гендерной обусловленности языка. Так, “волхв” и “маг” вообще не имеют соответствий женского рода. Колдун, знахарь, ведун, волшебник, целитель, чародей, ворожей, чернокнижник, гадатель, пророк, предсказатель – все эти имена первичны, оригинальны, и все они мужского рода, тогда как соответствующие им женские названия – производны, вторичны. Интересно, что и в русском фольклоре “злые колдуньи” наперечет. Основная одна — Баба-Яга¹. Она вполне самодостаточна, почти двупола. Ничего “женского” в ней нет, кроме приписываемых ей в некоторых народных (нелитературных) сказках “атрибутов” женского тела и редкого упоминания об имеющихся у нее детях (исключительно девочках, часто безобразных внешне).

---

¹ Баба-Яга – в мифологии древних славян лесная старуха-волшебница, отвратительная с виду (“титки через порог, нос – в потолок”). Ее образ перешел в русские сказки более позднего времени. Баба-Яга живет в “избушке на курьих ножках”, пожирает людей; забор вокруг избы – из человеческих костей, на заборе черепа, способные прожигать насквозь светом из пустых глазниц, вместо засова – человеческая нога, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. В печи Баба-Яга старается изжарить похищенных детей, чтобы съесть, а потом “покататься на их косках”. У Бабы-Яги одна нога костяная. Она летает в ступе, замечая след помелом. Связь с дикими зверями и лесом позволяет выводить ее образ из древнего образа хозяйки зверей и мира мертвых.

Извечная борьба добра и зла выражается в борьбе богов и демонов. Пантеон славянских языческих богов¹ многообразен и многолик: в нем представлены и “главные” боги, и божества “менее значимые”, а

---

¹Славянские языческие божества. Мужские: Род – первейший славянский бог, творец, “родитель вселенной”, всего видимого и невидимого мира. Это “отец и мать” всех богов, воплощение нерушимости славянского племени, все многочисленные потомки которого некогда произошли от одного общего предка. Когда рождается человек, его будущая судьба записывается в книгу Рода, и чего на роду написано, никому не миновать! Сварог – верховный владыка вселенной, родоначальник славянских богов. Все основные славянские боги – дети Сварога, оттого зовутся они Сварожичи. Дажьбог – сын Сварога, бог солнца. Перун – грозное славянское божество, производитель всех воздушных явлений. Стрибог – верховный царь ветров. Руевит – у северо-западных славян бог неотвратимой воинской победы, беспощадности к врагам. Авсень (Овсень) – у древних славян бог самого начала весны и начала осени: бог смены времен года. Кроме того, Авсень покровительствует коням и пастухам, всячески помогая им, ведь именно на коне – золотисто-рыжем, как солнце или кленовый лист, — привозит он вести о начале весны и осени. Лад – бог примирения и согласия. Лель – бог страсти, сын богини любви Лады. Родомысл – у варяжских славян бог мудрости и красноречия, покровитель законов, подаватель добрых советов. Услад (Ослад) – славянский бог веселья и всяческого блаженства, верный спутник Лады, богини любви. Корс (Корша) – бог пиров у древних славян. Поренута – у западных балтийских славян покровитель мореплавателей. Симаргл – славянское божество, воплощение огня в переносном значении: та пламенная сила, которая воодушевляет воинов в жестоком бою. Чур – древнеславянский покровитель и оберегатель границ поземельных владений. Чернобог – ужасное божество древних славян, олицетворение всех злослучений и бед. Злебог – бог вечного мученья после смерти. Озем и Сумерла – бог и богиня подземного царства в мифологических воззрениях древних славян (слуги этих богов – кроты, ужи и грибы). Женские: Рожаницы – дочери славянского бога Рода. В незапамятные времена были Небесными Хозяйками Мира, являясь людям в образе двух крупнейших созвездий: Медведицы Большой (древнерусское название – Лось) и Малой. Их так и представляли себе: полуженщинами-полулосями. Старшую звали Лада (Великая Лада), а младшую – Леля. Берегиня – “родительница всего сущего”. Лада – славянская богиня красоты, любви и бракосочетаний. В древнем Киеве стоял великолепный храм Лады. Жива – главное женское божество в западнославянской мифологии, воплощение жизненной силы. Магура – дочь громовержца Перуна, облачная дева. Сева – богиня садовых плодов у северных и западных славян. Триглава – богиня земли у древних славян. Зевана – богиня зверей и охоты. Мокошь и Морена (Мора) – “недобрые богини”. Мокошь – единственное женское божество древнерусского пантеона, чей идол в Киеве стоял на вершине холма рядом с кумирами Перуна и других божеств. Морена (Мора) – богиня бесплодной, болезненной дряхлости, увядания жизни и неизбежного конца ее – смерти. Марцана – древнеславянская богиня смерти всех живых существ, кроме человека. Кроме того, в славянской мифологии упоминаются еще и Алконост и Сирин. Алконост – чудесная птица, жительница Ирия – славянского рая. Лик у нее женский, тело же птичье, а голос сладок, как сама любовь. Услышавший пение Алконоста от восторга может забыть все на свете, но зла от нее нет, в отличие от Сирина. Алконост несет яйца “на крае моря”, но не высиживает их, а погружает в морскую глубину. В эту пору семь дней стоит безветренная погода. Сирин – темная птица, темная сила, посланница властелина подземного мира в славянской мифологии. От головы до пояса Сирин – женщина несравненной красоты, от пояса же – птица. Кто послушает ее голос, забывает обо всем на свете и умирает.

также божественные воплощения и духи. Среди богов и божеств были и женские, и мужские без какой бы то ни было дискриминации. Причем “злых” и “грозных” богов и духов было намного больше в “мужском ряду”, “женские божества” в большинстве своем – “добрые заступницы” (не считая Морены и Смерти). Добрые боги и богини, а позднее столпы христианской религии вынуждены беспрестанно бороться с “нечистой силой”, смущающей добрых людей, наводящей на них порчу и сживающей со свету с двумя целями: во-первых, досадить Господу Богу и святым праведникам и, во-вторых, – заполучить души грешников, “завербовать их в свое злое воинство”. “Нечисть” и “нежить”¹ летела “на землю сорок дней и сорок ночей, и, кто где упал, тот там и остался хозяином: водяные в воде, овинники в овине и т. д.

Места обитания “нечистой силы” — болото, бурелом, чащоба, буерак, овраг, омут, а также крестьянский дом и подворье. Она даже вселя-

---

¹Вот для любознательных их названия (с добавочными): бес, нежить, нечисть, злой дух, демон, сатана, дьявол, черт, вельзевул, царь тьмы, князь тьмы, царь ада, царь преисподней, змий крошечный, враг, тот, он, ворог, вражья сила, недруг, неистовый, лукавый, нечистый, луканька; не-наш, недобрый, нелегкий, нелегкая, нечистая сила, неладный, соблазнитель, блазнитель, морока, мара, лихой, игрец, шут, шайтан, черная сила, черный, неключимая сила, некошный (т. е. не чистый или поганый), ненавистник рода человеческого, наше место свято, леший, дворовый, банник, гуменник, кикимора, русалка, водяной, хохлик, шиш, шишимора, шишига, шиликун, отяпа, летучий, огненный змей, несветик, рогатый, пралик, немытый, немытик, левый, идол, окаянка, огарянин, шехматик, супротивник, нехороший, анчутка беспятый, родимец, супостат, шутошка, дерть (в Шуйском уезде Владимирской губернии *д* вместо *ч*), т. е. черт.

²Кикимора – злое божество ночных кошмаров, а позднее – недобрый дух крестьянской избы. Родится у красной девицы от Змея Огненного, пропадая из утробы матери, переносится нечистой силой к злым колдунам, где нарекается злым летучим духом.

³Лихорадки – девять или двенадцать крылатых сестер, дочерей царя Ирода. Подобно Смерти и владыке демонов (сатане), лихорадки сидят в подземных вертепах, заключенные в цепи, и вылетают мучить народ только тогда, когда будут сняты с них эти железные оковы. Их имена: Трясея, Огнея, Ледея. Гнетя, Грудница, Глухья, Ломья, Пухнея, Желтея, Корчя, Глядея и Невья – всем лихорадкам сестра старшая, лихоманка неизлечимая.

⁴Мавки (навки) – злые духи в восточнославянской мифологии, часто смертоносные. По украинским поверьям в мавок превращаются умершие до крещения дети. Имя мавки (навки) образовано от “Навь” – образ посмертного бытия в отличие от “Явь” – образа настоящего, сущего, “белого света” и “Правь” – образа идеального будущего, предстоящего и одновременно всеобщего закона, установленного Дажьбогом.

⁵Полудницы (ржаницы) – в славянской мифологии полевые духи, в частности, воплощение солнечного удара. Полудницу представляли в виде девушки в белом платье, с длинными волосами или косматой старухи, которая преследует работающих в полдень в поле, может свернуть шею, похитить ребенка, оставленного в поле без присмотра.

⁶Русалки (водяницы) – фантастические жилицы вод, стремящиеся зашекетать до смерти человека и утопить. Выходят из речных и озерных омутов на землю после Троицына дня. Для жительства выбирают себе плакучие березки, которые завивают украденной пряжей.

ется в людей, преследуя их беспрестанными искушениями. В подавляющем большинстве своем “нечисть” – сплошь мужского рода. В русском фольклоре “самыми неистребимыми” и однозначно “злыми” воплощениями “нечистой силы” являются Кощей Бессмертный и Змей-Горыныч, в то время как Баба-Яга иногда выступает и в роли дарительницы, помощника героя в его борьбе то с Кощеем Бессмертным, то со Змеем-Горынычем. Когда же герою удается победить Змея и его братьев, ему пытаются отомстить золовки Змея. Таким образом, “змеиные жонки” — вновь героини второго плана, обученные колдовству своими мужьями-змеями. Интересен в русском фольклоре и образ Лиха одноглазого. Это “двуликий и двуполый” образ, который представлен то не имеющим возраста парнем, то одноглазой старухой, желающей получить второй глаз.

Таким образом, в славянском фольклоре вообще и в русском в частности, “женское зло” описывается как вторичное, производное, отношение женщин к “нечистой силе” чаще всего лишь косвенное, опосредованное. “Нечистые женские образы” неоднозначны: они либо почти начисто лишены женственности, либо то злые, то добрые, либо однозначно добрые, страдающие. Подобная маскулинность “нечистой силы”, на наш взгляд, объясняется, с одной стороны, языческими славянскими традициями и древним пантеоном славянских богов, с другой, — особенностями православия (Матерь Божия – заступница), Русь – избранный удел Матери Божией, а также общей фемининностью русского менталитета, языка и культуры, основанных на “благодати женского, материнского”.

Л и т е р а т у р а

1. *Абубикирова Н. И.* Что такое гендер? // *Общественные науки и современность*, 1996, № 6.
2. *Габриэлян Н. М.* Пол. Культура. Религия // *Общественные науки и современность*, 1996, № 6.
3. *Максимов С.* Нечистая, неведомая и крестная сила // *Звездочет: Русская фантастика XVII века. Сост. послесл. и коммент. 2-го разд. Ю. М. Медведева. М., 1990. – 496 с.*
4. *Новомбергский Н.* Колдовство в Московской Руси XVII столетия // *Звездочет: Русская фантастика XVII века. Сост. послесл. и коммент. 2-го разд. Ю. М. Медведева. М., 1990. – 496 с.*
5. *Русские народные сказки: в 3-х тт. / Сост., вступ. Ст., подгот. текстов и коммент. Ю. Г. Круглова. М., 1992.*
6. *Словарь всемирной мифологии. / Сост. Грушко Е. А, Медведев Ю. М. Нижний Новгород, 1997. — 496 с.*
7. *Чучин-Русов А. Е.* Гендерные аспекты культуры // *Общественные науки и современность*, 1996, № 6.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ВАН МЭН. Сочинения.

© переводческая версия Ю. А. Сорокина, 2000

Разгон начальников (и еще кое-что)

На кожевенной фабрике шло очередное сто шестое заседание отдела по заготовке сырья. На заседании, которое вел начальник отдела снабжения, присутствовали двенадцать его заместителей и секретарь. Когда заседание началось, начальник вдруг заметил, что не пришел тринадцатый заместитель, особенно любивший пошуметь, поспешно подозвал секретаря и послал его за ним, в связи с чем выделил остальным двадцать минут на подготовку к выступлениям.

Появившись, тринадцатый зам сразу же стал ворчать, говоря, что ему ничего не сообщили, что все делается вдруг. “Это выходит из всяких рамок! Из всяких!” — кричал он.

Начальник зачитал повестку заседания: о заготовке лягушачьей кожи для современных кустарных промыслов и о выборах передовиков-заготовителей. Первый заместитель, из живчиков, охая и кряхтя, ознакомил собравшихся с законами относительно заготовок и о заседаниях по поводу этих законов, о законодательных документах и о неразберихе в них и в законах... а также об улучшении положения дел в кустарных промыслах.

Второй зам предложил временно отложить обсуждение вопроса о промыслах, так как крайне важно принять решение по подготовленному и переданному на рассмотрение четыре месяца тому назад проекту решения относительно непозволительности смешения лошадиного дерьма с соевым мороженым и времени сидения в сортире с временем игры в баскетбол и приготовленияпельменей, с чем согласились, завизировав этот документ все заместители, кроме третьего зама, в руках которого находится печать и который тянет время, не решаясь ее поставить, что, конечно, влияет и на ситуацию с сортиром, и на качество заготавливаемыхпельменей.

Третий зам сразу же пояснил, что необходимо около месяца, чтобы поставить одну печать, иначе дела не пойдут, месячный план выполняется неравномерно, искусственно создается спешка и в начале и в конце, что отражается на здоровье.

Четвертый зам перебил его, выступив с предложением об использовании трех общественных велосипедов лишь ответственными товари-

щами, а именно: самим начальником и его заместителями, всего четырнадцатью ответственными лицами, так как ситуация становится критической из-за того, что велосипедов мало, а претендующих на них много. Он также предложил: первое, подготовить проект докладной записки — удостоверив ее подлинность печатью — с ходатайством об увеличении количества велосипедов в сорок раз; второе, составить отдельный документ, свидетельствующий о нехватке велосипедов и об избытке претендентов; третье, разобрать имеющиеся велосипеды и вручить каждому из начальников отделов по 0,428 велосипедных частей; если окажутся лишние, хранить у себя.

Шестой зам предложил увеличить состав заместителей за счет двух новых, полных жизни и энергии, и расширить организационный отдел за счет образования шести новых подразделений: первичной и вторичной заготовки, суммирующего подотдела и подотдела заготовок на стороне, подотдела претензий и негласных заготовок.

Седьмой зам предложил предварительно рассмотреть вопрос об увеличении финансовой сметы и принятии правил материального обеспечения кадровых работников.

Восьмой заместитель выступил с предложением пересмотреть план, а для этого послать делегацию за границу... с тем, чтобы она ознакомилась с самыми последними достижениями европейско-американской заготовительной науки.

В этот момент зазвонил телефон, секретаря вызвали за какими-то бумагами.

Как только он ушел, все немедленно принялись гадать, зачем его вызвали, судили и рядили, но ни к чему конкретному не пришли.

Секретарь вернулся и доложил о содержании полученного документа: “Без промедления предлагается расформировать отдел, а всех работников направить на переподготовку, о чем и ждать распоряжения”.

Начальник и его заместители уставились друг на друга. Наконец неизвестно кто выпалил: “Сделаем, и немедля”.

Полемический недуг

Об этом случае из врачебной практики рассказал мне один врач, имевший дело с человеком, страдающим полемическим недугом.

Врач: “Садитесь”.

Больной: “Почему я должен садиться? Почему вы посягаете на мое право садиться или нет?”

Видя, что тут ничего не поделаешь, врач налил стакан воды и сказал: “Пожалуйста, выпейте воды”.

Больной: “Это одностороннее предложение, поэтому и неверное, еще вопрос, можно ли вообще пить воду. Например, если в ней растворили цианистый калий, тогда ее ни в коем случае нельзя пить”.

Врач: “Здесь мы не храним ядов. Успокойтесь!”

Больной: “Кто говорит, что вы положили яд? Разве я вас обвиняю? Я не говорю, что это вы его положили, это вы сказали, что я говорил, что вы его положили, только что положили и один из самых ядовитых!”

Поняв, что выхода нет, врач попробовал переменить тему разговора: “Сегодня неплохая погода”.

Больной: “Чистейшая ерунда! Если здесь неплохая погода, то это не значит, что она во всем мире такая же. например, на северном полюсе погода очень плохая, там дуют ураганные ветры, стоит долгая полярная ночь, и того и глади налетишь на айсберг...”

Не выдержав, врач возразил: “Но здесь же не северный полюс”.

Больной ответил: “Нельзя же считать, что северный полюс не существует. Считать так — значит извращать действительные факты, намеренно не обращать на полюс внимания.”

Врач: “Ну ладно, идите”.

Больной: “У вас нет права приказывать мне уходить. Здесь больница, а не отдел госбезопасности, вы не посмеете меня арестовать и расстрелять”.

... После детального обследования выяснилось, что этот человек входил в группу, занимавшуюся расчетами прочности мостов, и на этих расчетах он и подцепил полемическую болезнь.

Призывающий к дружбе

С унылым видом, бесшумно вошел Ай Туаньцзе в дом почтенного Вана и сказал ему, понизив голос: “Почтенный Ван, не обращай на него внимания. У него, вельможи, свои лоцманы, с ним не потягаешься насчет осведомленности”.

Ван непонимающе поморгал глазами и спешно принялся наводить порядок, не позаботившись ответить Ай Туаньцзе.

“На самом-то деле ты тоже заранее знал об этом, но не смог сообщить, что делать — у тебя смекалки не хватает.”

Ван наклонившись, возился с рубанком.

Ай Туаньцзе согнулся пополам и придвинулся поближе: “Знаешь, почтенный Чжоу сказал, что и у тебя рыльце в пушку”.

Ван хмыкнул, но ничего не ответил.

Ай Туаньцзе придвинулся еще поближе, хихикнул и жарко зашептал на ухо почтенному Вану: “Чжоу говорит, что ты, как свинья, разрываешь своим пяточком его мусорные кучи”.

Почтенный Ван поднял голову.

“Еще он говорит, что открытое этим пяточком ты продал частникам и налогов не уплатил.”

Ван нахмурился.

Ай Туаньцзе продолжал: “Не сердись, не надо сердиться, все мы знаем, что у тебя первосортный, первоклассный пяточок, прежней еще выделки, так он сказал, нужно лишь доказать, что ты ничего не знал. Ты не сумел прикинуть, не сумел раскинуть мозгами...”

Ван еще ниже наклонил голову и стал допытываться: “Как же все-таки относится ко мне почтенный Чжоу?”

Уходя Ай Туаньцзе сказал, подчеркивая слова: “Давай-ка еще крепче дружить, еще и еще крепче”.

Выйдя из дома почтенного Вана, Ай Туаньцзе пошел к дому почтенного Чжоу “крепить дружбу”.

К вопросу об аппетите

Хотя ребенок почтенного Ли много ел за обедом, вечером его кормили еще два раза.

Как только ребенок начинал есть, Ли, изготовившись, вставал рядом с ним и начинал: “Так! Так! Именно так и ешь! Да-да, клади в рот, а не суй в ухо. Именно так, энергичней жуй зубами, что хорошо пережевывается, то хорошо и усваивается. А почему? Во-первых, потому, что еда разжевывается и перетирается на мельчайшие части. Во-вторых, она смачивается слюной. Иначе говоря, пища и слюна перемешиваются. В-третьих, рот и слизистая оболочка полностью обволакиваются питательными веществами, например, сахаром из винограда. Хорошо, прекрасно, чудесно, съешь еще мяса, еще кусочек, жуй и глотай, вот так, изумительно! Порадуй своего папу! Еще чуточку животного белка! Чтоб сила была! Что, не хочешь? Ну не надо...”

Почтенный Ли с увлечением и по научному рассказывал ребенку, как и зачем нужно есть... Цель же объяснений сводилась к тому, что чем больше ешь, тем быстрее растешь.

В конце концов ребенок, неизвестно почему, как только его начинали кормить, хмурился и куксился, настроение у него портилось, он ничего не слушал, закатывал истерики, крепко стискивал зубы, отказываясь есть. Почтенный Ли, напуганный этим и почувствовав, что слишком много рассказывал ребенку, решил купить диапозитивы, видеозаписи и научные кинофильмы, в которых рассказывается о важности питания, и показывать их своему чаду.

ГЛЕБ АРСЕНЬЕВ. Из “Маргиналий”

Тяжесть веры тяжелее, чем тяжесть греха.
Оглянись на дом свой, ангел, оглянись на кьеркегоровский дом.

* * *

Дай, Боже, застенчивой и легкомысленной смерти!

* * *

Похороны — дело мужское. Женщины лишь обмывают покойников и плачут. Они терпимее к смерти, которую мужчины не принимают и не прощают.

* * *

Умирать лучше всего с книжкой в руках, внутри аэродинамической трубы чтения, в которой, расплываясь, становишься похотью чужого времени, иного пространства и пластилиновых людских судеб.

* * *

Перечитал Т. Уайлдера. “Мост” и “Мартовские иды” — это он, подлинный, не оглядывающийся на восьмой день, заранее размеченный любезным критикам социосмыслом. Зря он их слушал. Его сила в чуткости к трагической бессмыслице бытия и тайне, управляющей ею и смертью в середине взрыва человеческого просветления.

* * *

Сплю тяжело и чутко. Даже во сне не расстается со мной гомункулус обвиняющего — но в чем? — сознания.

* * *

Подожди, перевозчик. Подожди выдергивать плату-монетку из губ.

* * *

Жил и живу незнающим, но уверен: в раю — грустно.

* * *

Трагическая сложность нашего бытия заключается в мучительной трудности совмещения двух состояний: открытости миру и его осмысления-в-переживании внутри самого себя.

Их замыкание в круг, сливающий концы в начала — это и есть предельное счастье (предельное обретение смысла).

Я лишь подошел к нему. Но и за это спасибо, спасибо за спазмы удушья, когда вижу прирученную жизнь и смерть нашего домашнего зверья.

* * *

Пытаюсь понять, что радость — серьезное дело, а грусть — легкомысленна и весела.

* * *

Когда заставят вымереть последнее зверье — станет тошно в камерке у Великого Инквизитора. Нам не на кого будет оглянуться.

* * *

Судьба — это декабрь. Сутулый и желчный. С обмороженной улыбкой. Дека перевернутого контрабаса, чей гриф буравит пальцы, протаскивая сквозь них струны сосулук.

Судьба — это копоть на чайнике. Патлы пара. Голодный клекот проснувшейся воды, просящей взять ее на руки и накормить.

Судьба — это младенец, навсегда прижавшийся к игрушке. Бен Ган, притворяющийся Флинтотом.

* * *

Не заметил, а ведь давно вынесен приговор отыскивающих глаз. Они милостивы лишь к спящему, позволяя жить в паузе. Да и филеру она нужна для передышки и огласки дел.

Ежевика эти глаза или белобурые иглы испуганного ежа, перепутанная сухость веток ельника.

Наверное, их-то и отпевают в церкви копящие голоса свеч.

* * *

Душа — горка с трамплином, саночный след, взбирание к началу спуска. Душа — разноцветна, у нее покатые глаза и нос с горбинкой.

* * *

Скачут по траве к пруду Господа лягушки моих просьб. Пучеглазые, с горошиной выдоха и вдоха, перекатывающейся в горле. Замирают, пережидая испуг: тени прохожего и листьев березы обмахивают тропинку.

* * *

Снился закат, затопивший степь по уздечку коня, затонувшие души предков на родовом кладбище, сжавшийся в комок колокольный звон.

* * *

Моль приживается в каракулевых завитках шуб, среди меховых и шерстяных шарфов. По соседству с близорукими и зябкими.
От перетряхиванья и нафталина ей колко и холодно.
Молитва — это моль.

* * *

“Не все лжет и Гомер,” — сказал как-то Синесий.
До сих пор приятно слышать.

* * *

Бил по мухе, а убил паука-мамолетку. Прости меня, запечный царь насекомых.

* * *

Отчего никто не говорит, что монтаж демократии в России не удался из-за паскудности человеческого материала?
На себя оглядываются?

* * *

За преотличнейшее поведение и прилежный труд пора сократить срок Чичикову. Реабилитировать его купчие, не накладывать секвестр на мертвые души.

* * *

Все обещаю не опоздать на именины сердца и забываю о них. И что-то мямлю в ответ на упреки ангела-хранителя.

* * *

Одного боюсь: не заплакать бы перед смертью.

* * *

Во мне живет беспокойная личинка предчувствия, знающая о неминуемых перепадах; скоро изменится все — и люди, и выдуманный ими мир, и нерукотворная природа, в которой они прожили 20 веков. Лишь в музеях-заповедниках будут слушать песни Синатры, показывать чучела мадагаскарских лемуров и рассказывать о странных и старинных припадках любви.

* * *

Патриархи судеб и душ, рукоположите меня в блаженного полуночника.

* * *

“... и быть третья часть вод яко полынь...”, ибо упала звезда Аписинфос. Был оскаленно-раскаленный пар. И в его воронке распадалась зыбучая плоть ангелов Господних — его мысли и прозрения.

Тот, кто никогда не лжет — воистину олимпийский дискобол. И метатель копья. И пращник. И пищальник, припаявший указательный палец к спусковому крючку, похожему (не мое сравнение — Сартра) на полуприкрытое веко.

Тот, кто никогда не лжет, распят на молчании. В нем и туф становится гиацинтом, и валун — гранатом, и “... воздух в маленькую птичку превращается от нетерпенья”, а полынь остается полынью.

* * *

Вспомнился Борис Климентьевич Пашков. Он пытался окунуть меня в маньчжуристику да не получалось. И сил у Б. К. оставалось на донышке, и маньчжурский он подзабыл, и азарта мыслительной охоты почти не осталось.

Понял через год: диссертации у Б. К. не напишу. Для меня маньчжуристика — в новинку, для него — пережитая побочность. Вдобавок сгорел его дом (по Ярославской. Думал, не забуду где, и забыл), уникальная библиотека — китайская и русская — и рукописи. И какие! Шмидта, его учителя. В одном экземпляре существовали на свете.

Вижу и сейчас: иду по пепелищу по обгорелым листьям и корешкам.

Квартиру — и большую — Б. К. получил на Лосиноостровской. Говорил, что соберет библиотеку (хоть и не всю) снова, а было ему тогда ой как за семьдесят.

О Б. К. почти забыли, а я до сих пор вижу: сидим на кухне, пьем чай — по-калмыцки — с маслом и мукой, перемежая глотки для пушного контраста солидными кусками селедки. Вижу его руки, усыпанные старческими веснушками, его ногти, изъеденные костоедом.

За полгода до смерти Б. К. подарил мне первый том трехязычного (китайско-тибетско-монгольского) словаря. Вдогонку к трем оттискам своих статей (самая интересная — о Ляо Чжае). Вдогонку к беседам и разговорам о науке и быте, рассчитанным на равнопартнерский тон общения. Если во мне есть хоть намек на этот тон — им я обязан Б. К.

* * *

С юности не любил “технику”. И она не любила и не слушалась меня. Сейчас — в компьютерно-виртуальном мире — стал окончательно архаичным. Но ведь поднимали церкви в суздальско-владимирскую высь и без единого гвоздя.

* * *

Гнал от себя мысль о пределе, положенном траве и людям, зверям и птицам. Сейчас — отпустил ее на волю. Как Эзопа. Пусть он пишет басни о старости и смерти.

* * *

Над нами подрагивает, но не приоткрывается верхнее веко времени и пространств. И это навсегда.

* * *

Настоящая поэзия — это навязчивые видения алхимика.

* * *

Недымные свечи каштанов, соловьиные вальсы и чардаши в уцелевших близ дороги кустах акации, медленно сохнувшие тени луж.

Вот и дом слева, за уставшими нехотя оживать дубами.

Каждый вечер расстаюсь с ними вечным расставаньем. Его ужас и чуял Розанов.

* * *

“Слышишь, лают лайки, лайки Амундсена?” До сих пор слышно. И это сейчас — редкость.

1994-1998 гг.

ЛАРИСА ЕВДОКУНИНА. РОЗОВЫЕ СЕРДОЛИКИ: Сказки для взрослых

*Моим Учителям — Александру Михайловичу Неверову и
Леониду Владимировичу Вайсеру.*

*"Вот и нужно, чтобы нам, людям, думать побольше о том,
чего не видно. О воздухе, о воде, о любви и о смерти. Тогда и
жить будем радостно и благодарно."*

Юз Алешковский. Николай Николаевич

СКАЗКА О СОПЛЕ

Это было в один из тех светлых дней в самом начале сентября, когда желтые листья грустно опускаются на землю и тихо ложатся на ярко освещенную солнцем тропинку липовой аллеи.

Прошел по аллее мужичок, прошел и — высморкался. Большая зеленая сопля с размаху шлепнулась на золотой лист и начала свою жизнь на воле.

Солнечный луч — маг и чародей — осветил вновь прибывшую. Мутно-зеленая серединка её осветилась и заиграла нежнейшими оттенками предрассветного моря, а развесистая бахрома превратилась в пенное кружево цвета радуги с золотым кантом по краям. Сопля ужасно возгордилась:

— Ах, как хорош этот мир! — сказала она синему небу, — но лучше всех в этом мире я! Я похожа на драгоценную брошь, оброненную королевой, гулявшей в парке...

И, мечтая так, она еще больше растеклась по листу, подставив себя солнцу и стараясь произвести впечатление.

Шел по аллее мальчик лет пяти, а позади его шла мама. Мальчик увидел чудо солнечного луча:

— Мама, мама! Принцесса Фей потеряла здесь свою кружевную накидку! А я её нашел!

И, не дожидаясь мамы, он схватил то, что лежало на листе. Сопля обвисла в розовой детской ручке. Волшебство кончилось.

— Господи, какую гадость ты схватил, — подбежала мама. Она вытащила из кармана чистую бумажную салфетку и брезгливо, но крайне тщательно освободила родные пальчики от липкой мерзавки. Затем она с отвращением скомкала салфетку и запустила её в кусты. Сопля поникла и впиталась в салфетку.

— Теперь идем домой мыть руки.

И мама, обернув чистым носовым платком маленькую теплую руку сына, крепко взяла её в свою..

— Никуда я тебя от себя сегодня больше не отпущу. Мальчик не двинулся с места.

— Мама! Значит Принцесса фей не теряла свою кружевную накидку и — тут он задохнулся и две большие чистые слезы наполнили детские глаза, — и её на самом деле не существует?! Мама была мудрой и доброй и очень любила сына:

— Что ты, родной, на свете есть много Фей, и некоторые из них — Принцессы. Они очень занятые особы: день и ночь упорно трудятся они над своим волшебством и никогда не теряют своих кружевных накидок. Им это не положено по должности.

Плакать больше не было причин.

— Мама, а сегодня мы будем есть мороженое?

— Ну, конечно, милый, но только дома. И они пошли по осенней аллее, держась за руки, два родных человека, и солнце освещало их снаружи, а любовь — изнутри. Малыш успокоился и глаза его улыбались маме. Слезы, не выдержав улыбку глаз, скатились наружу. Одна слеза упала на гуталин ботинка и погасла. А другая, оттолкнувшись от румяной щеки малыша, бусинкой прыгнула на золотой лист, и солнечный луч — маг и чародей — тотчас начал творить в ней свой удивительный сияющий мир. Ведь солнце светит всем.

СКАЗКА О МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ПЬЯНОМ ХУДОЖНИКЕ

В некотором царстве в некотором государстве жил-был старик и было у него три сына. Старший сын был богачам, ездил на "мерсе" последней модели и посещал клуб "Ап энд даун". Средний сын превзошел всю медицинскую науку и заведовал самой главной лечебницей государства. А младший сын-художник — был, как водится во всякой приличной сказке, недотепа, пьяница и неудачник. Дан ему был от природы дивный дар: все, что он рисовал, получалось ну точь-в-точь как живое, до того похоже. А с таким даром, да без хитрости — какая ж удача?! Кому ж это охота вместо гордого лба и орлиного взора видеть на портрете свою старую и без того осточертевшую в зеркале рожу? Словом, был он художником гениальным и потому никому в этой стране ненужным, перебивался случайными заработками и от огорчения пил водку. Отец и старшие братья давно махнули на него рукой.

Вот собирает раз отец всех братьев и говорит им:

— Стар я стал, сыны мои, силы мои на исходе, а еще так пожить хочется! Слышал я, что есть на свете молодильные яблоки, от которых и силы и юность возвращаются. Вот бы и мне откусать такого яблочка!

А уж я бы не поскупился, день и ночь бы за вас Бога молил и счастье у него для вас выпросил!

— Какие проблемы, сделаем! — отвечивал старший сын.

— Я при своих капиталах что угодно сыщу, если только оно вообще в природе есть!

И тут же он по сотовому телефону распоряжение отдал: так мол и так, достать молодильных яблок — и побольше!!! Полетели, поплыли, поехали по всему свету его гонцы за молодильными яблоками. Каких только яблок ни привезли, завалили старика-отца плодами, но не было среди них молодильных. Старший сын очень расстроился — неделю клуб не посещал, а потом и говорит отцу:

— Уж если я не достал, значит нет этих яблок на свете!

Тут вмешался средний брат:

— Раз молодильных яблок в природе нет и все это — бабьи сказки, то не лучше ли будет, дорогой папаша, вам подлечиться у нас в клинике? У нас там чего только нет: и аппаратура, и акупунктура, и всякая процедура, и дренаж, и массаж, и геронтология и диетотерапия. А уж я, как я есть над всем этим главный начальник, лично за всем прослежу!

— Чет, — говорит отец, — твоя наука меня подлечит, но от старости не избавит. А мне охота вновь силу молодую в теле ощутить, года свои напрочь сбросить, будто бы их и не было.

— Зря вы это, папаша, — только и сказал средний сын, повернулся и уехал клиникой своей руководить.

А младший сын очень расстроился. Он хоть и был непутевый, но любил и братьев и отца. И очень ему больно и обидно стало, что отец уже стар и скоро умрет, и что такие влиятельные люди, как его братья, ничем отцу помочь не могут. Купил он на последние деньги бутылку водки, пошел к себе в коммуналку, напьюсь, думает, с горя, авось легче станет.

Выпил он первый стакан, как воду, налил второй, глядь — из стакана вылез черт, уселся на край тарелки с засохшей макарониной, которая от позавчерашнего ужина осталась, копыто за копыто задвинул, хвостом обмахнулся и говорит художнику:

— Чу, что, хрен моржовый, допился до меня?!

— Допился, — отвечает художник, — твоя правда.

— Чу уж коли ты меня вызвал, так слушай, что скажу, — говорит черт, — два раза повторять не стану! Молодильные яблоки, те, что твоему отцу нужны, искать надо внутри души твоей бессмертной, а не в садах земных. Сможешь нарисовать те яблоки, как живые, вдохнуть в них силу души своей, — вот и станут они молодильными. Только если сделаешь это, весь твой талант и вся сила в холст уйдут, оживет картина, а ты — умрешь!

С этими словами скривился черт в ухмылке, пукнул художнику в нос серой и растаял. Художник даже и перекреститься не успел..

— Ну, — думает художник, — непутевым я был всю свою жизнь, на сумел, капиталов нажить и карьеру сделать, не порадовал отца на старости лет успехами жизни своей, так хоть смертью своею пользу ему принесу — все не напрасно будет!

Глядит он на стол, а на столе бутылка водки вроде и не початая .

— Чудеса, — думает художник, — или уж я от пьянства совсем разум потерял, и мерещиться мне стало, или тут дело нечисто... Потянулся было к бутылке, да вспомнил, что черт говорил.

— Выпить, — думает, — я ее и перед смертью успею, чтоб не так страшно было. А сейчас — за работу!

Натянул холст, приготовил краски и кисти, музыку свою любимую включил и стал писать. Семь дней писал и вышла у него картина красоты невиданной, будто бы стол с бархатной скатертью и кресло рядом таким же бархатом обтянуто, а на столе стоит ваза необыкновенной красоты , а в вазе — они — молодильные яблоки. И только он последний мазок на картину нанес, как засветилась картина чудным светом и все на ней, и яблоки тоже, стали как живые. Взглянул художник на плоды трудов своих — и умер.

В ту пору старик-отец шибко на него обиделся: старшие-то братья старались отцу помочь, а младший-то поганец и палец о палец для отца не ударил. Да к тому же еще и пропал:, ни слуху о нем, ни духу. Вот и поехал отец со старшими сыновьями младшему в глаза посмотреть. Только в комнату вошли, видят — стол, на столе непочатая бутылка водки стоит, рядом на подрамнике -картина красоты невиданной и все на ней, как живое, а под картиной на полу лежит мертвый художник. Только глянул отец на картину сына, засветилась она вся , заструился дивный аромат волшебных плодов, заиграл в них сок невиданных сил. Протянул отец руку к картине — ожила картина. Взял он с вазы яблоко, съел и помолодел.. И понял он тогда, чем заплатил его непутевый сын за здоровье и молодость отца. И заплакал он горько и похоронил сына по христианскому обычаю, и братьям наказал его в святцах поминать, картину же перевез к себе, сам откушивал яблочек молодильных и с другими делился, не жалел. Яблок же с картины все не убавлялось...

Тут бы и сказке конец, да молва о молодильных яблоках покати-лась и дошла, как водится до Самого Главного. Вот однажды приходит в дом к отцу Начальник Порядка со своими молодцами и говорит ему:

— А скажи, не утай, есть ли у тебя картина с молодильными яблоками, которые прямо с холста кушать можно, и силы те яблоки дают, и здоровье, и молодость?

— Есть, — отвечает отец.

— Да как же ты, такой сякой, до сих пор её в казну не представил, когда наш Самый Главный уже в интересном возрасте и очень в ней

нуждается! — закричал на отца Начальник Порядка. — Ты тут волшебство на всяких разных разбазариваешь! Государственное, можно сказать, добро и достояние!!!

— Это добро не государственное, это картина моего сына, — отвечал отец, — а волшебства тут никакого нет, кроме любящей души его, да загубленного таланта. А частная собственность у нас, чтоб ты знал, охраняется законом!

— А вот я тебе покажу — закон! — кричит Начальник Порядка, — отобрать у него картину и доставить в казну! Немедленно!!! — И ногами затопал.

А отец ничего не ответил, только ближе к картине придвинулся. И как только молодцы к картине руки протянули, засветилась картина, ожила и зазвенел тревожно воздух вокруг. Отец шагнул к картине и вошел в нее. Смотрит Начальник Порядка — картина как картина, только за столом в кресле бархатном сидит отец и глядит на него из картины, как живой. А перед ним на столе ваза красоты невиданной, а в вазе — они — молодильные яблоки. Ну, делать нечего, а ответ держать придется, забрали картину такой, какой она стажа — вместе с отцом. Представили её пред очи Самого Главного.

— Что Вы мне принесли, такие разэдакие, — гневается Самый Главный, — яблоки-то не укусишь! Это же просто картина, самая обыкновенная, да еще, понимаешь, и с мужиком каким-то посторонним!

— Я не посторонний, — отвечает голос с картины, — я теперь хранитель молодильных яблок.. И не за то мой сын жизнь свою отдал, чтобы ты у жаждущих и страждущих последив надежду отбирал! А насчет яблок, тут уж не сомневайся — их тебе не пробовать!

Разгневался Самый Главный. Сначала хотел даже картину уничтожить. Да только вот они — молодильные яблочки-то — на картине — и жалко ему стало без последней надежды себя оставлять. Вот и приказал он, чтоб заперли ту картину за сорок дверей на сорок замков в самый тайный подвал государства. Говорят, и сейчас она там. И раз в году, аккурат в день смерти художника, появляется на ней непочатая бутылка водки на столе и начинает картина светиться и яблоки источают свой дивный аромат и сок в них бродит от сил невиданных. И бежит, и спешит тогда Самый Главный, отпирает сорок замков, открывает сорок дверей, и подбегает к картине, и протягивает руку за яблоком, и вот уже готов схватить его, да только отец — тресь его по руке — и пальцем грозит. А из бутылки черт ухмыляемся и рожи строит. А еще говорят, что когда родится такой человек, который не только себе, но и другим людям захочет здоровья и сил прибавить, и пройдет тот человек сквозь сорок дверей, и откроет сорок замков, и найдет в самом тайном подвале государства чудесную картину — вот тогда отдаст ему хранитель молодильные яблоки, и не будет в этом государстве больных и старых, а все

будут жить долго и счастливо. Да мало ли что говорят! С бабьих сказок — какой спрос!

СКАЗКА О ПИРОЖКЕ

Пирожок умел видеть слова. Он лежал на самом верху, на лотке, вместе с другими пирожками, в кафетерии булочной и наблюдал. За прилавком работала Мегера. Она была старая, тощая и злая. Как только по ту сторону прилавка появлялся покупатель, Мегера открывала рот и из него начинали вылетать отвратительные шмокодявки и какать на всё вокруг вонючим черно-коричневым гноем. Гной этот был настолько ядовит, что моментально проникал в мозг и сердце покупателя. С покупкой, или без, но покупатель уходил отравленный. А противные шмокодявки устремлялись вслед за ним и еще долго не давали ему покоя.

В кафетерий вошла женщина с маленькой девочкой на руках.

— Дайте, пожалуйста, пирожок, — сказала женщина, и Пирожок увидел, как два больших розовых бутона слетели с её губ и плавно опустились на прилавок. В ответ Мегера разродилась целой армией шмокодявок:

— Пирожки только с кофе! Только с кофе!! Понятно! Хочешь пирожок — бери и кофе!

— Мне не надо кофе, мне нужен пирожок для дочки, — ответила женщина и вдруг улыбнулась, и Пирожок увидел, что женщина с девочкой стоят внутри радужного пузыря, и ни одна шмокодявка не может проникнуть сквозь него. Шмокодявки ударялись о радугу и отскакивали от нее, обливая ядом Мегеру. Мегера закричала так, что на крик её выскочила заведующая. Узнав, в чем дело, она только и могла сказать:

— Извините, с ней это бывает. Она старая, дорабатывает свое, кто её еще возьмет на работу!... — и протянула женщине Пирожок. Женщина поблагодарила и отдала Пирожок девочке.

Они направились к выходу, и Пирожок услышал, как заведующая выговаривает Мегере:

— Опять ты за свое! Без скандала не можешь, ну что ты так орала?

Визг Мегеры перекрыл голос заведующей:

— Она же издевалась надо мной! Издевалась!!!

— Да почему же? — удивилась заведующая, — она ведь молчала, пока ты орала. Слова худого тебе не сказала.

— Лучше бы сказала! Она же все время улыбалась мне! УЛЫБАЛАСЬ!!! Понимаешь?!

Пирожок видел, как слезы гнева и обиды брызнули из глаз Мегеры и целая армада шмокодявок полетела в заведующую.

Заведующая хотела уже было раскричаться, но вдруг, неожиданно для себя самой, тоже улыбнулась. Вокруг нее тут же зажегся радужный пузырь и ни одна капля яда не попала на нее. Мегера долго еще что-то кричала, захлебываясь от собственного яда, потом побагровела и побежала в подсобку приходить в чувство. А Пирожок был счастлив, свеж и мягок в теплой детской ручке и улыбка женщины защищала его от всех Мегер на свете.

РОЗОВЫЕ СЕРДОЛИКИ

Она была молода и свободна, как ветер. И в Теплой Стране У Самого Синего Моря не было в ту весну женщины, прекраснее её.

Повелитель Молодых Теплой Страны, потомок древнего княжеского рода, был силен и молод и рукам его одинаково были подвластны и ружье, и перо, и руль его быстроходной колесницы. Он был красив, как Апполон, говорил, как Цицерон, сиял здоровьем, как Геракл, и магия его взгляда влюбляла в него всё вокруг.

Они встретилась и полюбили друг друга в первый же миг. Любовь, вспыхнув в их глазах, проникла в мозг и души и превратила их тела в два пылающих Факела. Он бросил к её ногам свой Теплый Город, весь в белых камелиях, источавших по ночам ароматы тайны и мечты.. Они повсюду теперь были вместе, и Фонтаны пели по ночам только для них, и море тихо шептало им о заветном. Он привез её к Чистому Источнику и пил из её ладоней воду, и не мог напиться, глядел в её глаза и не мог наглядеться. Там совершили они Лунный Обряд и отдали друг другу сердца. Они жили друг для друга и умирали от восторга в объятиях друг друга. Он предложил ей руку и сердце, и не было в ту весну пары, счастливее их.

На окраине города в маленьком домике у моря жил Колдун. Однажды Колдун заговорил с ней и вот что он поведал: когда Повелитель Молодых был еще маленьким и ему едва исполнилось шесть лет, в Большом Селении Под Звездами, в горах, в старинной княжеской семье родилась девочка. Их отцы, давно мечтавшие породниться, дали друг другу клятву в том, что когда дети достигнут совершеннолетия, то поженятся и соединят два богатых и знатных рода. Отцы торжественно клялись перед родственниками и друзьями, призвав в свидетели Небо и землю и скрепив клятву вином, что только смерть может помешать выполнению данного слова, и нарекли своих детей женихом и невестой. Прошло время, дети выросли и вот теперь Повелитель Молодых должен выполнить волю отца. Если же он не сдержит отцовского обещания, то опозорит свой род и будет убит. Так велит Закон.

— Я могу помочь тебе, — сказал Колдун, — я сделаю так, что его невеста умрет и он освободится от отцовского слова. Но ты должна

заплатить мне: ты так молода и прекрасна и моя пена — это ночь любви с тобой!

Она ничего не ответила, только усмехнулись Колдуну в лицо и пошла прочь.

— Я буду ждать три года! — прокричал ей вслед Колдун. В тот же день она уехала к себе домой в Страну Белой Зимы. Он примчался к ней, бросив все дела, и она рассказала ему о разговоре с Колдуном. Ничего не сказала она только о том, какую помощь предложил ей Колдун и какую плату он за это запросил.

— Я сделал свой выбор, — воскликнул Повелитель Молодых, — я буду с тобой всегда, чего бы мне это не стоило. Я так решил и так будет!

— Нет, милый, здесь решаю я, — ответила она, — и до тех пор пока ты свободен, я буду с тобой и буду твоей душой и телом, и не будет на свете женщины, счастливее меня.. Но, как только ты исполнишь волю отца, мы пойдем разными путями и никогда больше не увидимся — слишком больно будет мне видеть тебя рядом с другой.

Он убеждал, настаивал, кричал, умолял — все было бесполезно. Она решила по-своему. И снова умирали они от счастья в объятиях— друг друга, и снова они были вместе, но горечь неизбежного и неотвратимого омрачала теперь их любовь..

— Твое имя означает "чайка" — шептал он ей в любовном бреду, — как смогу я забыть тебя, если каждая чайка над морем будет кричать мне о тебе! Высоко в горах я посажу ореховую рощу и назову её твоим именем. Я буду приезжать туда плакать...

— Как я смогу забыть тебя, — вторила она ему, — когда имя самоцвета в кольце, подаренном тобой, так созвучно с твоим именем. Он столь же тверд и прекрасен, как и ты. И свет от него подобен свету звезд. Кольца можно лишиться, но разве звезды на небе дадут мне забыть тебя!

Он уезжал, но при первой же возможности возвращался к ней Вновь и вновь. Или она, изнывая от тоски и нежности, бросала все и летела к нему. Так продолжалось три года, а потом он женился .

Она приехала в Теплую Страну У Самого Синего Моря, чтобы проститься со своей любовью навсегда, и не было в ту осень женщины печальнее её.

Она сидела У Моря и слушала его голос. Горе душило её, не давая ни жить, ни дышать.. Море звало своей прохладой, суля облегчение. Она вошла в воду и поплыла. Она плавала хорошо и заплыла далеко. И тут она почувствовала, что не в силах больше терпеть эту великанскую боль сердца и сопротивляться судьбе..

— Море, ты штормишь и требуешь жертв! Возьми меня и избавь от страданий! Я успокоюсь, а ты насытишься и одним штормом будет меньше!

Она легла на воду, закрыла глаза и отдала себя на волю волн. Но Море не приняло жертву. Большая упругая волна подхватила её, плавно покачивая, понесла к берегу и, распластавшись кружевной пеной у полосы прибоя, вынесла её, уже почти бесчувственную, на берег, а потом отхлынула, перекатывая прибрежную гальку,

Солнце согрела её, и она очнулась. Она лежала на боку на песке и первое, что она увидела, были розовые и оранжевые капли света почти рядом с её щекой. Она приподнялась и села: горсть серделиковых галек, еще влажных, будто нарочно выброшенных для нее Морем, весело сияла на песке. Она почувствовала вдруг, что в правой руке, сжатой в кулак, что-то есть. Она разжала пальцы: — нежное сияние осветило её лицо: на ладони густо-розовой каплей света лежал крупный, гладко отшлифованный Морем серделик, формой похожий на сердце.

Она вытянула ноги, подставив ступни набегающим пенным барашкам волн, и стала бездумно смотреть вдаль, постепенно оживая. Среди сплошного сверкающего аквамаринового мира яркой бирюзой выделялась одна полоска в Море почти у самого горизонта.

— Бирюза — это кости людей, умерших от любви, — вдруг вспомнилось ей, и слезы заструились у нее из глаз. Горячая волна жизни, подкатив к горлу, сдавила его в рыдании. Ей хотелось кричать и своим криком рушить горы и вызывать ураганы. Она рывком вскочила на ноги и тут только поняла, как же она ослабла от горя.

— Но если любящее умирает от любви и кости их превращаются в бирюзу, то что же, что же остается от их, огромных, пылающих, истекающих кровью сердец? — из последних сил прокричала она морю.

— Розовые серделики, — прошептало Море, прижавшись к её ногам.